

Стиль Часы

Коммерсантъ

№4324 с момента возобновления издания
Цветные тематические страницы №17-72
являются составной частью газеты «Коммерсантъ»
Рег. №01243 22 декабря 1997 года.
Распространяются только в составе газеты.

28 Женевский салон сверяет часы **44** Ветераны кварцевой революции **46** Слуги наших народов — часы постсоветского пространства **68** Rolex ищет таланты **54** Павел Лунгин о часах деда **60** Hublot выплывает в America's Cup **65** Русская история Cartier

Van Cleef & Arpels

Поэзия Времени

Часы Timeless: Корпус и браслет из белого золота украшены бриллиантами огранки «багет»
Подвеска с бриллиантом огранки «бриолет» Овальный перламутровый циферблат 185 бриллиантов

Столешников пер., 14, тел.: (495) 937-9042, ГУМ, Красная площадь, д.3, 1 этаж, 1 линия, тел.: (495) 363-2064

Салон Da Vinci: ТЦ «Сфера», тел.: (495) 690-7804 • ТЦ «Смоленский Пассаж», тел.: (495) 937-8089

Екатеринбург (343) 215-6001 • Киев (38044) 279-4642 • Алматы (7272) 66-4545 • Баку (99412) 497 7990

www.vancleef-arpels.com

Sublime

by Bosco

часы и ювелирные украшения

ГУМ, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 3 | ТЕЛ.: (495) 620 3311, 620 3390
ВЕСНА, НОВЫЙ АРБАТ, 19 | ТЕЛ.: (495) 543 9879

ДЕМЬЯН КУДРЯВЦЕВ
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ
ШЕФ-РЕДАКТОР
АНАТОЛИЙ ГУСЕВ
АРТ-ДИРЕКТОР ИД,
АРТ-ДИРЕКТОР ПРОЕКТА
ЕЛЕНА НУСИНОВА
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИД,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
«КОММЕРСАНТЪ-WEEKEND»
АРКАДИЙ РАЙХШТЕЙН
ИЗДАТЕЛЬ
АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ
ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА
КОНЦЕПЦИЯ (И РАБОТА)
ДЕНИС ЛАНДИН
ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК
НАТАЛИЯ ДАШКОВСКАЯ
МАРИЯ МАЗАЛОВА
РЕДАКТОРЫ
ЕЛЕНА ВИЛКОВА
КОРРЕКТУРА
МАРИЯ ЛОБАНОВА
БИЛЬД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО
ФОТОРЕДАКТОР
КОНСТАНТИН ШЕХОВЦЕВ
ДМИТРИЙ ШНЫРЕВ
МАРИНА МЕДИНСКАЯ
ВЕРСТКА
ЕКАТЕРИНА КУЗНЕЦОВА
ДИРЕКТОР ПО РЕКЛАМЕ
ИД «КОММЕРСАНТЪ»
НАДЕЖДА ЕРМОЛЕНКО
ERMOLENKO@
KOMMERSANT.RU
ДИРЕКЦИЯ ПО РЕКЛАМЕ:
ОТДЕЛ ПРОДАЖ
(499) 943 9108, (499) 943 9110,
(499) 943 9112, (495) 101 2353

ФОТО НА ОБЛОЖКЕ: ИТАР-ТАСС

Алексей Тарханов

61___Master Compressor Extreme Lab 2 Jaeger-LeCoultre на пике Антуана Лекультра

56___Millenary Carbon One Tourbillon Chronograph Audemars Piguet возглавили «черный список»

50___Время по счастливым 1920-м

42___Parmigiani выстрелили музейной коллекцией

съезд убедителей

Часовой год начался Женевским салоном SIHH (Salon International de la Haute Horlogerie) — это первый из трех главных парадов года: Женева, Базель и часовой конкурс Grand Prix de Geneve. Настроение на SIHH было умеренно оптимистическим — кризис пока что оказался не так страшен, как ожидали, и на флаге салона можно было бы уже начертать «Мы выжили!».

Именно в этом главы марок уверяют журналистов, байеров и крупных клиентов. Они красноречивы, убедительны и выступают с цифрами в руках и с часами на руках. Однако антикризисная программа — в самом разгаре. Марки ограничиваются одной новой коллекцией там, где раньше выступали с тремя. Причем выбирается самая верная коллекция, самая преданная модель марки, ее краеугольный столп, он же — дойная корова. Если это удачно совпадает с каким-нибудь юбилеем, новинку объявляют трибьютом, если не совпадает — винтажем. Нынешний салон — двадцатый. В конце прошлого века пять часовых марок ушли из Базеля и обосновались в Женеве. Только три из них, надо сказать, сохранили свою непреклонность — Cartier, Baume & Mercier, Piaget. Если судить по количеству и важности марок, салон покрывает, вероятно, едва ли треть швейцарского часового производства, остальные две трети принадлежат базельской ярмарке, которая пройдет в марте. Зато положение в начале календаря делает Женевский салон важнейшим индикатором мод и тенденций.

Мы видим теперь, как и кто распорядился ушедшей эпохой процветания. Вот ювелирная марка Cartier решительно выходит в часовщики за счет вовремя сделанных инвестиций в собственное производство и в собственные механизмы. Вот Montblanc,

МОСКВА ■

БУТИК «JAQUET DROZ»
петровский пассаж, ул. петровка, 10

SUBLIME BY BOSCO
гум, красная площадь, 3

J*^{*}D

JAQUET DROZ

ART HORLOGER DEPUIS 1738

февраль 2010

65___Русский след
Cartier

60___IWC Portuguese
стали хозяевами моря

46___Часы постсовет-
ских политиков

2010: КАЛЕНДАРЬ С ЧАСАМИ

BaselWorld, 18-25 марта, Базель

В этом году Базельская часовая выставка постаралась хотя бы и не намного, но быть поближе к выставке Женевской. Итак, впервые за много лет выставка BaselWorld, проходящая в Базеле с 1917 года, состоится не в апреле, а в марте (напомним, что Женевский салон, следовавший за Базельским, в 2009 году «переехал» на январь). Базельская выставка считается «народным часовым шоу», так как сюда может попасть любой желающий, достаточно лишь купить билет. Женева — салон «для избранных», и здесь представляют только «драгоценные», высоколобые продукты — часы и ювелирные украшения. В Базеле появляются с товарами не только часовщики (а среди них Patek Philippe, Rolex, Breguet, Blancpain, Omega, Longines, Rado, Jaquet Droz, Glashutte Original, Chopard, de Grisogono, TAG Heuer, Ulysse Nardin, Corum) и ювелиры (Mikimoto, Pasquale Bruni, Carrera y Carrera, David Yurman, Mi-Mi), но и европейские, американские и азиатские производители оборудования и комплектующих. На BaselWorld-2010 аккредитованы 2 тыс. компаний, которыми заинтересуются не меньше 100 тыс. посетителей.

Grand Prix de la Haute Horlogerie de Geneve, 13 ноября, Женева

В субботу вечером, 13 ноября, Большой театр Женевы ровно в 19.00 соберет президентов часовых марок, конструкторов и инженеров, специалистов по эмалям и гравировкам, подающих надежды молодых часовщиков и опытных часовых журналистов. Сначала всем предстоит коктейль. Потом — торжественная церемония награждения и вручение главного приза «Золотая стрелка». Затем — ужин. И наконец after-party. Даже финансовый кризис никак не смог повлиять на структуру самого важного часового конкурса мира. Здесь по десяти номинациям привычно судят и «базельских», и «женевских», подводя итоги всего часового года. В 2010 году конкурс может стать еще интереснее — благодаря его новому председателю — часовому журналисту и бизнесмену Пьеру Жаку. Оба главных часовых события года станут предметом дотошного разбирательства в очередных выпусках «Стиля».

который благодаря купленной мануфактуре Minerva из производителя хороших массовых часов превратился в создателя уникальных моделей — пусть даже их микротиражи не меняют принципиально основных коллекций. Вот Panerai, которые отказались от линии Manifattura. Не потому, что больше не производят собственных мануфактурных механизмов, а потому, что не нуждаются в чужих, все линии теперь — собственные, мануфактурные. Вот Jaeger-LeCoultre, который начал так много интересных часовых проектов, что теперь вынужден себя сдерживать, как ни хочется показать все новинки, поспевшие к нынешней Женеве.

Итоги SIHH, опубликованные по завершении салона, вроде бы оптимистичны — число посетителей увеличилось на 10%, а вот увеличилось или уменьшилось число заказов, сделанных этими посетителями (праздных зевак на салоне не бывает), мы узнаем через год.

По милому совпадению как раз в это время в соседской Франции проходил столь же важный и почтенный салон белья. Там производители били тревогу. Продажи падают, суммарное число любительниц кружевных dessous резко уменьшается даже среди молодых француженок, всегда преданно поддерживавших отечественную бельевую промышленность. Но нам-то не стоит унывать. Поскольку часы в отличие от трусиков носят на видном месте, можно надеяться, что все сэкономленные средства будут брошены именно сюда.

44___40 лет великой
кварцевой революции

HUBLOT

GENEVE

⌚ BIG BANG ⌚

Розовое золото 750 пробы, Цавориты
Каучук и Кожа аллигатора

БУТИК HUBLOT ЦУМ

ул. Петровка, 2. Тел. (495) 933 73 00

Hublot-TV в эфире: www.hublot.com

НИК ХАЙЕК: МЫ В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ С ГЕНЕРАЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ SWATCH GROUP БЕСЕДОВАЛ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Ник Хайек возглавляет основанную в 1983 году его отцом Николасом Хайеком-старшим Swatch Group. Это конфедерация 19 часовых брендов, собранных железной волей семьи Хайек в самую мощную часовую группу мира.

— Десять лет назад, когда мы в первый раз с вами встретились, мне сказали: не показывайтесь господину Хайеку на глаза с этим вашим «Ролексом». И я все хотел спросить, а с какими часами к вам приходите на интервью?

— Носите, что хотите, пожалуйста. Конечно, лучше бы швейцарские часы. Потому что в 80% случаев там будут стоять комплектующие, сделанные на наших заводах.

— Конечно, на механике ваших заводов ETA ходит почти вся швейцарская часовая промышленность, а не только ваши собственные марки. Но ведь несколько лет назад Swatch Group выдвинула коллегам ультиматум: пусть строят свои механизмы. Или это просто угрозы?

— Это не ультиматум, а врачебный рецепт. Для производства механизмов, конечно, нужны технологии, работники и машины. Но большинство компаний, которые покупают наши механизмы, могут себе позволить вложить деньги в производство своих собственных. Но они этого не хотят. Они предпочитают тратить деньги на маркетинг. Таким образом они ничем не рискуют, не должны нагружать машины и заботиться о рабочих.

— Они поступают так, просто потому что ленивые? Никогда не поверю.

— Ленивые, может быть. Но большинство из них не хотят мыслить в перспективе. Их беспокоит только завтрашний день. Инвестировать в создание собственных механизмов — это долгосрочная стратегия, и здесь надо иметь мозги не менеджера, но настоящего предпринимателя, антрепренера. Они предпочитают покупать наши механизмы, затем умножают цену своих часов на десять и продают их как свою собственную мануфактурную модель. И в прошлом году, когда ударил кризис, многие мои коллеги, которые так страстно говорили о том, что мы монополизировали рынок, что их фабрикам не хватает механизмов, а мы придерживаем механизмы для себя, знаете, что они сделали? Они аннулировали свои заказы и сказали: «Swatch Group, так и быть, оставь эти механизмы себе». Когда все идет хорошо, нас обвиняют в том, что мы им что-то недодаем, когда кризис — спасибо, больше не надо, выпутывайтесь сами.

— Разве кризис вас не прижал так же, как конкурентов?

— Нет, потому что мы присутствуем во всех сегментах с сильными марками, причем во всех странах с собственными точками продаж и сетями ритейлеров. Мы сохранили производство, мы не уволили ни одного человека, мы не закрыли ни один бутик. Я думаю, что многие рабочие наших конкурентов не раз пожалели, что работают не у нас. Из 24 тыс. человек только у 350 сейчас сокращены рабочие часы — и это как раз те, кто был занят не в производстве часов, а в кварцевом производстве, в телекоммуникациях или в деталях для автомобилей. Так что Swatch Group уверенно держит свою долю рынка.

— Так все говорят...

— Возможно, но мы известная компания, мы котируемся на бирже, и вы легко проверите наши утверждения, если обратитесь к цифрам, а не эмоциям.

— Один злой журналист бросил фразу, что Swatch Group информирована не хуже ЦРУ...

— Он имел в виду, я надеюсь, лишь то, что мы находимся в уникальной позиции. Мы в центре событий. Мы можем следить за цифрами продаж в наших собственных магазинах в режиме реального времени. Мы также располагаем информацией о размещении на наших производствах заказов наших конкурентов. Из отдельных частей легче складывается общая картина. Вот и все секреты нашей информированности. Разведка нам не нужна! Мы не ЦРУ и не КГБ.

— И как вы оцениваете ситуацию 2010 года?

— Оптимистично. Для нас по крайней мере. Это же не системный кризис, это замедление того потребительского бешенства, которое мы испытали накануне кризиса. Мы работаем, как работали. Мы инвестируем в новые технологии — кремний, керамику, жидкий металл. Мы подписали новый контракт на таймкипинг с Олимпийским комитетом до 2020 года. Этот контракт стоит нам многие миллионы швейцарских франков. Мы открываем бутик за бутиком по всему миру, в том числе и в России. Только что мы открыли в Екатеринбурге Breguet, Blancpain и Omega, а в Петербурге — Rado и Longines. И наконец, в этом ноябре народ Швейцарии объявил Swatch Group самой уважаемой в стране компанией. Что еще нужно, чтобы быть оптимистом?

часы
swatch
group

В Swatch Group входят: Breguet, Blancpain, Glashutte-Original, Jaquet Droz, Leon Hatot, Tiffany & Co. Watch, Omega, Longines, Rado, Union, Tissot, Calvin Klein, Pierre Balmain, Certina, Mido, Hamilton, Swatch, Flik Flak, Endura.

В дни SIHH на пресс-конференции в Женеве Swatch Group объявила результаты 2009 года.

По их данным, это был третий по успешности год в истории группы, который принес ей в общей сложности 5 421 млн швейцарских франков (гросс), хотя и оказался на 6,3% хуже предыдущего.

— Jaquet Droz, Grande Seconde SW Rouge

Новые часы Baignoire

Cartier

Москва, Столешников (495) 510 50 60 • Кузнецкий мост (495) 937 90 40
Кутузовский, 48 (495) 662 44 00 • ГУМ (495) 795 03 40
Екатеринбург (343) 215 60 00 • Киев (38044) 270 59 50
Алматы (7 727) 266 54 54 • Баку (99 412) 493 89 29 • Тбилиси (995 32) 92 33 66

www.cartier.com

реклама

товар сертифицирован

ПО ЗНАКОМЫМ АДРЕСАМ ЖЕНЕВСКИЙ САЛОН SIHH ИНСПЕКТИРУЮТ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ И ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

жан-марк
видеррехт
конструктор pont
des amoureux

Я люблю работать для Van Cleef & Arpels с их «поэтическими усложнениями». Потому что каждый раз я имею дело с какой-нибудь историей. В новой вещи Pont des Amoureux — «Мост влюбленных» — это особенно важно. Взгляните, молодой человек (это ретроградная минутная стрелка) движется вперед по мосту. И когда он пройдет свой путь полностью, дама его сердца (это ретроградная часовая стрелка) сделает ему навстречу всего один шаг. Жизненная история, не правда ли. Но потом, когда влюбленные встретятся на вершине моста, логика механизма требовала, чтобы девушка, не притронувшись к юноше, вернулась обратно. Это же просто трагедия! И потому мне пришлось пойти на хитрость и использовать особый крючок, которым кавалер подхватывает даму и удерживает ее в объятии целую минуту. Считайте, что я их спас и дал им соединиться.

Женевский часовой салон SIHH хоть и расположен на окраине, уютен, как центр Женевы. Это выстроенный внутри огромного ангара городок в табакерке — с улицами, на которые выходят витрины часовых брендов, почище, чем в Столешниковом переулке. А если кто-то еще не укрепился у нас в Столешниках, тот прилагает все силы, чтобы туда попасть. Когда-то выставка была выстроена в виде улицы роскоши, потом роскошь расплодилась, и вместо одной магистральной линии сделали несколько площадей. Теперь все так запутано, что, как в настоящем городе, здесь представлены указатели с планом местности, а рядом с ними кричат в мобильные трубки растерявшиеся граждане, назначая встречи «напротив „Ланге“» или «на углу „Панераи“ и „Одемара“». К тому же на выставку пришли две новые марки — Greubel & Forsey и Richard Mille — в добавление к принятому в прошлом году Ralf Lauren Watch and Jewelry Co. Закрытый клуб стал чуть более открытым. Для Базеля с его тысячами участников это прошло бы незамеченным — в Женеве с ее 16 марками creme de la creme, стоявшими вместе целых десять лет, это событие. Одни жалуются на нашествие молодежи, другие сожалеют о том, что новичков не стало больше. Хотя куда бы их в таком случае дели — салон не резиновый — и так уже пришлось потесниться. И если Ralf Lauren, любимому детищу группы Richemont, отвели прекрасное место на главной улице, то Гребель с Форсеем и Ришар Милль сели в бывших гардеробах и пресс-клубах. Конечно, эти гардеробы и пресс-клубы дивно декорированы и обстроены, как лофты на старых заводах. Кипящий Ришар Милль постоянно на стенде, к нему стоят очереди желающих послушать его вдохновенные речи. Месье Милль изобрел свою марку, и даром что не часовщик по профессии — но поставил ее так хорошо, что дважды (невиданное дело для француза-нечасовщика) брал главные призы на Женевском часовом конкурсе. Его презентация — это ретроспектива непрерывного успеха, нам были показаны все его часы и подробно рассказана история знакомства с гонщиком Фелипе Массой. Ришар Милль полон оптимизма, потому что всюду востребован и всеми любим. Пусть и стенд пока совсем небольшой — вопрос времени, ведь Миллю стоит только начать. Гребель и Форсей, напротив, прячутся в своих клетушках, как и подобает

настоящим часовщикам. Сами Робер Гребель и Стивен Форсей на выделенную им крошечную жилплощадь не обижаются. Во-первых, они все-таки дебютанты салона, в спокойную величественную Женеву переехали из шумного демократичного Базеля. Их стенд на женевской выставке — это царский дворец, если вспомнить, в какой подслеповатой каморке на задворках первого павильона BaselWorld ютились молодые часовые гении. Во-вторых, миниатюрное пространство отвечает и философии, и модельному ряду марки, 20% акций которой принадлежит сегодня Richemont Group — организатору SIHH. Робер Гребель и Стивен Форсей не сторонники поточного метода производства, они не выбрасывают десятки новых изделий ежегодно на прилавки. Серьезные ребята погружены в священные научно-технические исследования и на одну свою модель могут потратить три года. В 2010-м предмет гордости для них — это новая мануфактура в Ля-Шо-де-Фо. Производство Greubel & Forsey и раньше располагалось в этом достойном часовом городке, однако цеха находились в разных домах и на разных улицах. Часовщикам приходилось ходить с деталями корпусов и механизмов под мышкой в буквальном смысле через весь город. Минут пятнадцать на переход, а то и все двадцать. А теперь — все на своих местах, все наконец собрались под одной крышей. Оба, что Greubel, что Forsey, надо сказать, исключение на Женевском салоне, где выставляются богатые и крупные игроки, целые финансовые группы. Но надо отдать им должное, они неплохо держатся. Ну а салон в их лице отдал дань новой тенденции — поднимать на щит независимых часовщиков, видя в них целебное лекарство против окостенения швейцарской часовой промышленности. А если ты и не часовщик, так на то есть специальные бюро, которые разрабатывают для тебя самые авангардные концепты, как это делает бюро Renaud & Papi, принадлежащее Audemars Piguet. Джулио Папи, глава бюро и знаменитый часовщик, кстати, сделал множество часов для того же Ришара Милля, да и для многих других. Господин Папи тоже был на выставке, и можно ли пропустить возможность встретиться со знаменитым конструктором. А его коллега Жан-Марк Видеррехт знаком нам по авангардно-

Van Cleef & Arpels,
Poetic Complication Pont
des Amoureux

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

ОСНОВАНА В 1755 ГОДУ НА ОСТРОВЕ В ЖЕНЕВСКОМ ОЗЕРЕ.
И ПО СЕЙ ДЕНЬ НАХОДИТСЯ ТАМ.

17 сентября 1755 года. В нотариальной конторе мэтра Шуази молодой часовой мастер из Женевы Жан-Марк Вашерон оформляет договор о найме на работу подмастерья. Этот договор - первое упоминание об основателе престижной династии часовщиков и знаменует собой рождение самой старой из существующих часовых мануфактур в мире.

На протяжении всего периода своего существования **Vacheron Constantin** свято чтит историю, на которой зиждется ее репутация, и заботится о передаче накопленных поколениями знаний каждому из своих Мастеров, что служит залогом высочайшего качества и надежности выпускаемых ею часов.

Overseas с функцией хронографа

Корпус из розового золота, механические часы
с автоматическим подзаводом

Арт. 49150/000R-9338

VACHERON CONSTANTIN

Manufacture Horlogère, Genève, depuis 1755.

Бутик VACHERON CONSTANTIN

г. Москва, Столешников переулок, д. 5, телефон (495) 937-90-41

— IWC, Portuguese Grande Complication

— Piaget, Altiplano Double Jeu

му Opus 9, который он сделал для Harry Winston в 2009 году. На SIHH господин Видеррехт пришел по приглашению ювелирного дома Van Cleef & Arpels: Видеррехт делает механизмы для их чудесных поэтических усложнений, в частности для показанного в этом году «Моста влюбленных», о котором он нам с удовольствием рассказал. Дальше по улице справа сидят английские денди и шеголи из Dunhill. Их стенд оформлен как старинный английский отель, откуда только что Уинстон Черчилль прогнал Оскара Уайльда. Dunhill привозят на выставку свои непромокаемые сумки, курительные принадлежности и ручки, которыми настоящие джентльмены привыкли подписывать долговые расписки. Ну и запонки, которые они, кстати, продают не в нагрузку к часам, как это повелись сейчас делать самые главные часовые бренды. Напротив, британские сэры привозят сюда часы даже с некоторой неохотой — ну неудобно быть в Женеве без часов. Нате, пожалуйста, целых три линии приличных, действительно красивых часов — круглые, прямоугольные и круглые спортивные, которые можно надеть на охоту или, например, на неспешную велосипедную прогулку. Между прочим часы Dunhill укомплектованы механизмами Jaeger-LeCoultre. Мы бы сказали «на скачки», но эта тема жестко узурпирована соседями напротив, где разместилась призовая «конюшня» Ральфа Лорена, знаменитого и опытного модника, но часового неопита. На его стенде, завешанном фотографиями видных жеребцов и очаровательных кобыл, застланном коврами и шкурами, показывают довольно скромные пока часовые результаты. Это совместный проект главы Richemont Иохана Руперта и Ральфа Лорена — два достойных господина объединились для того, чтобы создать новую марку часов. Подчиненные Руперту бренды, разумеется, взяли под козырек и выделили по разнарядке свои самые лучшие механизмы. Линии Ральфа Лорена Stirrup, Classique и Sporting укомплектованы шедеврами IWC, Jaeger-LeCoultre и Piaget. В прошлом году говорили, что это ненадолго и мистер Лорен скоро разработает свой собственный механизм, но в кризисный год об этом предпочли забыть, и глава марки Ги де Шатийон показал новые варианты уже пройденного. Основная новость — это изменение размеров корпусов, приспособление классики к дамской ручке (видимо,

обнаружилось, что на модную марку клюют больше мисс, чем мистеров), а также соответствующее украшение корпусов драгоценными камнями. Украшение тоже производится в лучших ювелирных «конюшнях», подчеркнул мистер де Шатийон. Далее по левую руку раскинулся стенд старинной женевской мануфактуры Baume & Mercier. Нам эта мануфактура ни в коей мере не чужая, не только потому, что мы ценим ее вкус и умеренность амбиций в смысле цен на готовые изделия, но и потому, что в истоках ее есть и русская кровь. Бом — он, конечно, Бом, коренной швейцарец и инженер, а вот Мерсье — никакой не Мерсье, а Поль Чередниченко, выходец из царской России, антрепренер дягилевского типа, придумавший многое для марки — в том числе новую систему маркетинга и позиционирования и всего того, о чем в те годы рассуждали не в бизнес-школе «Сколково», а в парижском Maxim's за ананасами с шампанским. Мы любили прежнего главу Baume & Mercier, юркого, как ртуть, Мишеля Ньето, но на этом салоне его уже сменил новый человек, серьезный и основательный Алан Циммерман, поработавший до того на IWC. Впрочем, иных кадровых перемен пока вроде бы не ожидается, а значит, нам не грозит опасность потерять из виду замечательного бомовского дизайнера Александра Перальди, одетого по обыкновению в длинную юбку, — знатока восточных единоборств и мастера боя на мечях. Путь самурая не уведет его из родной мануфактуры. Тем более что герр Циммерман, похоже, придумал совершенно верный ход. Он решил напомнить о том, что Baume & Mercier — долгожитель швейцарского часового небосвода, настоящая мануфактура с выдающимися достижениями. Нет, речь не идет пока о возвращении к собственным механизмам. Как комплектовались покупными калибрами ETA, так и будут комплектоваться, но Baume & Mercier обратили внимание на не менее, а может быть, и на более важное для часов — легенду. Пораженный историей вверенного ему предприятия Алан Циммерман разыскал правнучку Поля Боме, и не только разыскал, но и уговорил почтенную даму Симон Годар завести страничку на «Фейсбуке», чтобы делиться с владельцами часов Baume & Mercier семейными преданиями и выслушивать их ответные признания в любви к марке.

Отныне нырять за сокровищами вовсе не обязательно.

РЕКЛАМА

IWC
SCHAFFHAUSEN
SINCE 1868

“Кому мы теперь нужны?”

Aquatimer Chronograph. Ref. 3769: По сравнению с этим хронографом, разработанным компанией IWC, многие драгоценности покажутся просто грудой металла. Корпус часов выполнен из 18-каратного красного золота. Не менее впечатляет механизм с системой подзавода с двойными собачками. Но настоящим сокровищем этот хронограф делает функция “часы в часах”, суммирующая временные отрезки продолжительностью до 12 часов. Какие бы сокровища ни хранил подводный мир, вряд ли там найдется что-то похожее. **IWC. Для настоящих мужчин.**

Механический хронограф производства IWC (рис.) | Функция Flyback |

Система автоподзавода с двойными собачками |

Индикатор даты | Внешний вращающийся

ободок | Сапфировое стекло с

антибликовым покрытием | Задняя

крышка из сапфирового стекла |

Водонепроницаемость 12 бар | Красное золото 18 карат

БУТИК IWC Schaffhausen Москва, ул. Петровка, 5, тел. (495) 730-4490

Москва: Cassaforte: Столешников (495) 411-7654, Сфера (495) 690-7470, Marriott (495) 937-1078, Актер (495) 937-5394; Da Vinci (495) 937-8089; Eurotime (495) 625-2621; Louvre: Тверская (495) 629-1615, Крокус (495) 727-1968, Атриум (495) 775-2345, Ritz Carlton (495) 981-4282, Времена Года (495) 642-8190; Имидж (495) 253-9413; Sublime: ГУМ (495) 630-3311, Articoli (495) 543-9879; Космос Золото (495) 692-6544 • Санкт-Петербург: Eternel (812) 441-3262 • Владивосток: Золотое Время (4232) 20-9108 • Екатеринбург: IWC (343) 215-6004 • Краснодар: Золотой Век (8612) 62-6026 • Нижний Новгород: Da Vinci (831) 419-4882 • Оренбург: Золотая Середина (3532) 77-6673 • Ростов-на-Дону: Золотой Век (8632) 67-9070 • Саратов: Da Vinci (8452) 23-8888 • Челябинск: Classic Time (3512) 63-7783 • Киев: Авеню (38044) 289-5321, Базель (38044) 528-3385, Ноблесс (38044) 234-1932 • Донецк: Кристалл (38062) 335-7646 • Одесса: Ноблесс (38048) 785-3735 • Харьков: Базель (38057) 717-0380 • Алматы: Viled (7727) 273-1110 • Баку: Louvre (99412) 497-7990 • Минск: Швейцарские часы (37517) 222-4611

— Panerai, Mare Nostrum

— Baume & Mercier, Classima Executives Open Balance Power Reserve

алан циммерман baume & mercier

Что же касается новинок года, коллекция проста: она состоит из самой успешной линии Baume & Mercier Classima — классической, как ясно из названия, но и местами вполне авангардной, особенно когда речь идет о серии XXL. Такие модели были уже у Baume & Mercier в линиях Riviera и Hampton, а теперь дошла очередь до Classima. И этот ход оказался очень кстати на салоне, который в данные кризисные времена более всего был вдохновлен классикой.

Напротив Baume & Mercier горой стоит Montblanc. Марка, заложив все свои ручки за спину, выходит теперь на встречу с часами, сделанными на собственных фабриках в Ле-Локле (часы чуть проще) и Виллере (сильно сложнее). Гордо выступавший некогда весь в перьях король пишущих инструментов теперь все больше сворачивает на часы и делает это с немецкой основательностью. В Montblanc чтят заветы великого военного теоретика Карла фон Клаузевица — «можно и на неприятельской земле защищать свою собственную страну». Часовое мастерство — чужая территория, но Montblanc на ней укрепился и не собирается сдавать плацдармы. Глава марки Лутц Бенге на подначки журналистов жестко отвечает: «Приходите через сто лет, увидите». Ясно, что на этом мафусаиловом randevу господин Бенге надеется доказать, что большей и лучшей частью продукции Montblanc станут часы.

Montblanc, который в прошлом году представил сделанный на своей новой мануфактуре в Виллере Grand Tourbillon Heures Mysterieuses в золотом корпусе яйцевидной формы, сегодня усовершенствовал свое магическое яйцо. В нынешней коллекции SINN это концепт часов-трансформеров. Раскрывающийся на наших глазах циферблат прячет шкалу хронометра, и, как подводная лодка, наверх всплывает вечный календарь. Часы по имени Metamorphosis de Montblanc разработаны двумя молодыми часовщиками из проектного бюро, образованного Montblanc на базе славной мануфактуры Minerva — Джонни Жирарданом и Франком Орни. Вокруг этого яйца с удивлением бродила публика, а Франк Орни с бородкой под нижней губой объяснял принципы действия своей адской машины.

Van Cleef & Arpels держат лавочку на углу, такую маленькую на первый взгляд, но уходящую вглубь, как магазин волшебника. Van Cleef & Arpels

знамениты своими драгоценностями, целыми семействами многомиллионных украшений, которые при этом удивительно хорошо придуманы и очень персональны — несмотря на то что в ювелирном деле глобализм победил еще в XVIII веке, когда королей стало больше, чем ювелиров. На часовом салоне парижские ювелиры показывают часы, используя свою собственную блестящую идею «поэтических усложнений» (Poetic Complication).

В самом ее начале, когда циферблат в движении открывал картины четырех времен года, эта концепция казалась нам слишком элементарной, но с тех пор появились дрыгающие ножкой балеринки и машущие волшебными палочками феи — и даже целая семья, выходящая на циферблат под солнце парижского дня. На этот раз хит Van Cleef & Arpels — «Мост влюбленных», где Жан-Марк Видерхейт, знаменитый специалист по ретроградным стрелкам, устроил влюбленным (движущимся навстречу друг другу фигуркам из белого золота) затянутое randevу. Мужина, представляя минуты, должен был 11 раз пройти свою часть пути, пока наконец девушка, как часовая стрелка, делала свой шаг. На последней минуте полудня или полночи влюбленные встречались и, простояв секунду в нежном объятии, возвращались на свои стороны моста.

На углу напротив Van Cleef & Arpels расставил цветы Parmigiani. На самом стенде гостей особенно не ждали. Дело в том, что основные козырные сокровища таились в соседнем со стендом круглом выставочном зале, и любого, кто заглядывал именно на стенд марки, его служащие незамедлительно делегировали в музейный отсек. Козырные сокровища Parmigiani 2010 года — это экспонаты из фамильной коллекции семьи швейцарских фармацевтов Сандоз, которой принадлежит мануфактура. Автоматоны, модные в конце XVIII — начале XIX веков, часы с подвижными барельефами, часы, инсталлированные в крохотную подзорную трубу, в зеркало, в карманный нож, пистолет или во флакон для духов — итак, на авансцене 25 поистине бесценных предметов, отреставрированных мастерами Parmigiani на их же фабрике Vaucher в горной деревушке Флерье. Такой ход — развлекать публику хитроумной карнавальной часовой стариной — правильный, интересный ход, но отчасти и грустный. После посещения

Когда я пришел в Baume & Mercier, я был поражен. Эта марка делала удивительные вещи, точнейшие хронометры, турбийоны, минутные репетиры. Как обычно, что публика так мало знает о таком удивительном наследии. Мы решили отдать должное мануфактуре, и нам повезло встретить Симон Годар, правнучку Бома, которая в свои 82 года умна, тонка и кокетлива. Чтобы поделиться своими историями о марке и часах Baume & Mercier, она открыла страничку на «Фейсбуке». Часы на «Фейсбуке», часы на «Твиттере» — почему нет? Почему не использовать такой простой способ продвижения нашей марки? У нас нет своих бутиков, а это значит, что у нас нет прямого доступа к клиентам. Марка не может жить без контактов, иначе она слепа и глуха к своим друзьям.

AP
AUDEMARS PIGUET
Le maître de l'horlogerie depuis 1875

**КОЛЛЕКЦИЯ ROYAL OAK
CARBON CONCEPT
ТУРБИЙОН И ХРОНОГРАФ**

Представительство в Москве: ООО «Одемар Пиге (Рус)» тел.: (495) 234 5949, факс: (495) 234 5948
Информация обо всех официальных точках продаж на территории Российской Федерации на сайте: www.audemarspiguet.com

АЛЕКСЕЙ ТАРАХОВ

© SHH 2010

пьер райнеро, cartier

Этот год для нас важен с точки зрения не только наших традиционных ювелирно-часовых продуктов, таких как, например, часовые коллекции, созданные по законам скорее ювелирного искусства. В ближайшем будущем мы намерены очень серьезно двигаться по линии сложных и очень сложных механических часов, обозначенных брендом Cartier. Словом, сегодня Cartier — это не только особенные, стильные часы, но еще и отличные, убедительные механизмы, сделанные на нашей новой мануфактуре. Это такие механизмы, которые способны конструировать — с точки зрения придуманной конструкции и исполнения — с калибрами вековых швейцарских мануфактур. Моя же задача, как директора по наследию, — следить за тем, чтобы наши новые сложные модели целиком и полностью соответствовали ДНК дома Cartier. Ведь наша творческая сила — в сохранении и преумножении наших же собственных традиций, ведь мы, пожалуй, самый узнаваемый ювелирный дом.

— Cartier, Rotonde de Cartier Astrotourbillon

выставки Sandoz Collection любые современные турбийоны и репетиры выглядят солдатами разбитой армии. Какой бриллиантовый хронограф, будь он трижды от Bugatti (и вот единственной новинкой этого года Parmigiani стала круглая модель Atalante, сделанная в честь столетия французской компании болидов), сможет противостоять в сражении, например, бесстрашной маленькой белой мыши, видевшей еще Суворова, сделанной из золота и украшенной жемчужинами? Сия сложная мышь приучена перед публикой и хвостом вертеть, и ловко двигать круглыми ушами. Рядом с ней, на подушке, как на кочке, восседает престарелый золотой принц — лягушка, автоматон, покрытый зеленым лаком и способный двигать лапками. Однако в Parmigiani все-таки настаивают на преемственности традиций, вот и новое хитроумное творение — монументальная часовая скульптура «Кот и мышь», сделанная часовщиками мануфактуры в честь семьи Сандоз и торжественно выставленная в витрине. Новоиспеченным «Коту и мыши», как нам показалось, и самим как-то неловко от соседства с раритетами. «Кот и мышь» догадываются, как далеко им до подлинного мышинового величия.

Слева от Parmigiani, как на бивуаке, расположились лихие авангардисты Roger Dubuis, по праву называющие себя высокоточными механиками. У Roger Dubuis, как у истинных авангардистов, в собственном хозяйстве наблюдается легкий художественный беспорядок. Вот, наконец, публике торжественно вынесли в тяжелейших коробках часы: большие, еще больше, еще наряднее, оранжевые, розовые — размером корпуса они уже почти сравнялись с телефоном Blackberry.

Часы Roger Dubuis заряжены некоторым детским испугом: а вдруг не заметят, вдруг пройдут мимо и не увидят меня, меня, меня, такого оригинального, такого заводного? Так больше стрелок, так больше кнопок, больше запикивайте в меня пружин, колес и тонких балансиры! В то же время в Roger Dubuis всегда подчеркивают: «Мы не просто дизайнеры, мы не простые рисовальщики. Мы здесь, в этих важных стенах, свои. Мы часовщики-конструкторы!» Однако классический часовой «гном», спустившийся с гор Юра, если бы довелось ему столкнуться лицом к лицу с воинственным, словно крестоносец Людовика IX, двойным турбийоном от Roger Dubuis,

подумал бы, что мир сошел с ума, а коровы в Ле Брассю вместо молока цедают чистый абсент.

«Зачем вам два турбийона в одних-единственных часах?» — задали мы роковой вопрос новому президенту марки Мат тиазу Шулеру. «Второй турбийон стабилизирует первый турбийон!» — таков был ответ. Нам остается только догадываться: кто же стабилизирует второй турбийон, стремительно теряющий последнюю потенцию в стабилизации первого?

Часовые саксонцы из A. Lange & Sohne всегда приветливы, радушны, но немного подозрительны: «Все ли наши продукты понравились? А какие особенно? А всем ли ясно, как работает наша новинка? Точно? Нет, вы уверены, что вы все правильно поняли? Ах, вот, тут не 745 деталей! Тут все 746 деталей! И это крайне важно. Напишите, что мы, «Ланге и сыновья», еще со времен Фердинанда Адольфа Ланге, великого дрезденского механика, ни разу не сокращали количество деталей, даже если об этом нас просил отдел маркетинга! Никогда!» Представители отдела маркетинга при этой сцене густо, достойно, по-немецки краснеют.

Но саксонцы только с утра такие серьезные: во второй половине дня на задках их большого и просторного павильона, выстроенного столь же прочно и надежно, сколь и дворец Августа Сильного, варят и пьют пиво. Это настоящее немецкое пиво, за поллитровую кружку которого можно легко отдать целый контейнер с белым шампанским Rommery, которым на SIHH потчуют ровно с 12.00. Пиво притекло из самого Дрездена, что на прекрасной речке Эльбе. О турбийонах уже все, кажется, забыли. Prost! Zum voll! У русских гостей пивной вечеринки спрашивают о Путине, да и как он там? Что-то давно его не видели в Дрездене. Значит, забыл. Обидно. Под конец вечеринки вновь спускается черная турбийоновая туча: «Нет, про наши детали вы все же напишите! Не сокращаем их, нет, даже если сам отдел маркетинга...»

В A. Lange & Sohne, кстати, в этом году завелся новый господин президент, пришедший на смену любимцу всех журналистов Фабьену Кроне. Похоже, он примерил маску Зорро: интервью не дает, на широкой публике не появляется, пиво с трудовым народом не пьет.

Туманным ранним женеvским утром в гламурных кулуарах у Piaget играет тягучий джаз чернокожий саксофонист. Рядом, грациозно пошатываясь,

— Montblanc, Metamorphosis

АЛЕКСЕЙ ТАРАХОВ

JB
1735
BLANCPAIN
MANUFACTURE DE HAUTE HORLOGERIE

L-evolution Collection

МОСКВА ■

БУТИК «BLANCPAIN»
петровский пассаж, ул. петровка, 10

SUBLIME BY BOSCO
гум, красная площадь, 3

Vacheron Constantin,
Historiques Ultra-Fine
1968 и 1955

АЛЕКСЕЙ ТАРАХОВ

Audemars Piguet, Royal Oak
Offshore Grand Prix Chronograph

Джулио
папи
renaud &
papi

Мы являемся частью Audemars Piguet, но свободны разрабатывать часовые механизмы не только для них, но и для других марок. Возможно, наша головная мануфактура была бы более ревнива, если бы не видела в этом большую пользу. Строительство новых часовых механизмов всегда риск, всегда вызов и непременно — огромные затраты. На деньги наших конкурентов мы финансируем наши научные разработки, новые идеи, которые пригодятся всем, и прежде всего нам самим. Renaud & Papi достаточно известны как конструкторы часовых машин самой высокой сложности. Множество мастеров, работающих сейчас в Швейцарии, прошли именно нашу школу. Но я не хотел бы, подобно некоторым моим коллегам, выпускать часы под своим собственным именем: жизнь в чужой тени меня гораздо более устраивает. Лучше быть талантливым конструктором, чем замученным менеджером.

пританцовывают на длинных ногах модели, похожие на наряженных цапель. Из их модельных ушей льется поток белых бриллиантов. На их модельных пальцах мерцает черная шпинель, приехавшая из Мадагаскара. В глубокие декольте небольших модельных грудей торжественно спускается мелкий сапфировый дождь... «Наша новая коллекция посвящена джазу, веселым 1920-м годам», — бодро гудит цветной экран. Всем очень, отчаянно хочется спать, причем и саксофонисту, и моделям, и даже горящему от новых изделий экрану. Секрет в том, что вчера Piaget давали грандиозные ужины и вечеринку в городе и все мы с трудом разошлись в три утра. Но команда Piaget выглядит так свежо, как будто они все вместе провели ночь в SPA La Prairie в женевском отеле La Reserve. А рыжий, словно одуванчик из Переделкино, Жан-Бернар Фор, директор ювелирного направления Piaget, вообще явился рано утром в черном бархатном пиджаке с атласными лацканами. Ему так и положено. Месье Фор, во-первых, значительная художественная величина, артистический директор. Во-вторых, он отвечает за бриллианты чистой воды. В-третьих, он обедает сегодня с нами. За обедом речь о свободе прессы в России. Оказывается, эта глупость всех до сих пор страшно волнует. Так и знайте — мы совершенно свободны, месье Фор, писать о ваших турбийонах, что нам вздумается. Нам разрешили. За Piaget встает Vacheron Constantin, который не перестает удивлять гостей — причем удивлять своим прошлым, блестяще конвертированным в современность. «Вашроны» связаны, как семья, обожают вместе посидеть за столом, послушать русские песни, они не любят спешить и очень расслаблены на первый взгляд. У каждого, кто здесь работает, немного загадочный и довольный вид, как будто бы в кармане у него лежит карта с сокровищами. В сущности, такое сокровище — история. Когда у тебя 250 с лишним лет за спиной, все-таки легче понять, как именно ходит по кругу мода. В этом году все захотели классики, и Вашрон с Константином, переглянувшись, достали две свои классические модели со сверхтонким механизмом — круглую и квадратную, продемонстрировав, что в классических часах с ними не посоревнуешься. Механизм размером со швейцарскую монетку в 20 сантимов. И это хорошее сравнение, потому что монеты в Швейцарии не менялись уже век и в принципе в горстке сдачи вы

можете получить 20 сантимов, которые еще Ленина видели. Точно так же ценность классических швейцарских механизмов не меняется с годами, они не подвержены инфляции — попробуйте, найдите на нынешнем рынке что-нибудь моднее этих простейших часов с двумя стрелками — замучаетесь искать. Спасибо часовщикам, которые 50 лет назад подумали о нас. Но чтобы не перелистывать одни и те же страницы, Vacheron Constantin сделали новую серию из своей художественной линии Metiers d'Art, и эта линия посвящена японскому лаку. Партнером выступила японская компания Zohiko, которая 250-летнему «Вашрону» в отцы годится, ей 300 лет в обед. Японские мастера сделали изумительно расписанные рамки-тондо, в которые поместили тонкие скелетированные швейцарские механизмы. Редкий случай, когда обрамление ничуть не хуже содержания. Лучший стенд на салоне выстроили себе IWC — это верхняя палуба яхты: не современного чудовища из углеводородного пластика, а такой, на которой хоть сейчас можно идти на поиски капитана Гранта. Небольшую тревогу вызывает легкий наклон, но нам показалось, что это просто момент, когда штурвал переброшен и парусник режет волну, ложась на левый галс. Ветер встречный, кризис ревет, надо бороться — и IWC высвистывает вверх лучшую из своих коллекций, морские Portuguese. У мануфактуры из Шаффхаузена немало славных и знаменитых моделей, но с точки зрения полноты линии ничто не сравнится с Portuguese — крупными круглыми классическими часами, рожденными в 1939-м, существующими уже не первое десятилетие и становящимися с каждым годом все лучше и лучше. Это часы, которым действительно можно довериться в плавании, где до ближайшей гарантийной мастерской — тысячи морских миль. В серии есть и часы с ручным заводом, и автоматы, простые часы с тремя стрелками, турбийоны и вечные календари, спроектированные старым механиком Куртом Клаусом. Мы встретили Курта Клауса на палубе IWC и поздравили этого старого часового волка с новым успехом его любимой линии. А заодно и с успехом его капитана — гендиректора IWC Жоржа Керна, хозяйскому глазу которого поручена теперь и мануфактура Baume & Mercier, куда он прислал своего старпома господина Циммермана.

Москва Бутик RADO ул. Петровка, д. 30/7 тел. (495) 650-58-94
Sublime by Bosco ГУМ Красная площадь, д. 3 тел. (495) 620-33-90
Санкт-Петербург Бутик RADO Невский пр-т, д. 137 тел. (812) 717-59-39

Официальный дистрибьютор ООО «Свотч Груп (РУС)» юридический адрес 121099, Москва, Новинский бульвар, д. 3 стр. 1, тел. + 7 495 580 98 45, факс + 7 495 580 98 48

маттиас шулер, roger dubuis

Мы очень молодая мануфактура в составе Richemont Group, если сравнивать нас с такими титанами, как Vacheron Constantin, с IWC или с A.Lange & Sohne. Но в нашей молодости и даже юности я вижу настоящие преимущества. У нас нет серьезных исторических традиций и больших архивов, с которыми мы, если бы были почетными часовыми стариками, должны были бы согласовывать каждый свой шаг. И таким образом, мы, часовая молодежь, можем себе позволить с точки зрения дизайна почти все, что захотим. И нам не нужно оглядываться назад. Наша философия заключается в том, чтобы делать броские, заметные, яркие в палитрах и даже, быть может, агрессивные, очень большие в размерах часы, которые были бы укомплектованы рукотворными, четкими, точными механизмами. Итак, заметный, неистовый авангард — снаружи, а внутри — калибры нашего собственного производства, нашей мануфактуры под Женовой.

__ Roger Dubuis,
KingSquare

Одна из самых энергичных, изобретательных и мощных мануфактур — Jaeger-LeCoultre, как всегда, обрушила на головы посетителей огромное количество новинок — одна другой интереснее. Говорят, новинок было бы и больше, но, оглядев все предложенное, командиры марки решили половину сохранить в секрете до следующей охазии. Считается, что человек может удержать в голове семь задач одновременно, восьмая вытеснит первую. Так и часовые журналисты, у которых голова еще меньше человеческой: им нельзя показывать слишком много и сразу. Jaeger-LeCoultre правы. В сущности, хватило бы одного Master Compressor Extreme Lab 2, чтобы заставить о себе говорить. Эти часы сочетают всевозможные новейшие материалы таким образом, что механизм их не нуждается в смазке и техническом обслуживании, которое нормальные часы должны проходить хотя бы раз в пять лет. Или, например, Master Memovox — часы с сигналом-будильником — перевоплощение их знаменитой модели 1950-х годов, которую знатоки и любители уже устали разыскивать на аукционах. И вернулась она совершенно в новом виде, как и появившиеся в линии Duometre часы Duometre a Quantieme Lunaire — календарь с фазами луны и открытым по последней моде механизмом. Так же замечателен Master Grande Complication, который начинает новую серию Grande Tradition. Оно и понятно — с большими традициями здесь все в порядке, и дом, уже разработавший за свою жизнь тысячу механизмов, не намерен останавливаться. В тайной комнате Jaeger-LeCoultre показывали то, что делают их ювелирные мастерские. Это очень изобретательные часовые драгоценности, использующие совершенно неожиданные камни вроде рутилового кварца с вкраплениями рыжих и серых волосков-искр или переливающиеся фосфоресцирующими цветами птичьего перья. Таких изделий будет немного — создатель коллекции итальянка Анна Мачери слишком любит природу, чтобы ошипывать птиц на потоке, организовав на мануфактуре в Вале-де-Жу особый птичий двор. В этом году было значительно меньше вариаций культовой модели Reverso, но это объяснимо — в 2011-м у нее юбилей, который будет пышно отмечен. Так пообещал нам глава Jaeger-LeCoultre Жером Ламбер, которому теперь за

__ Greubel & Forsey,
Tourbillon 24 Secondes

успехи повесили на шею новую работу — присматривать за мануфактурой A. Lange & Sohne. У дома Cartier на SIHH два самых больших на всей выставке павильона. «Король ювелиров, ювелир королей», — сказал о французской марке английский монарх Эдуард VII. Итак, королю можно то, чего нельзя другим. И вот два павильона Cartier — это две циклопические красные, с золотыми вензелями «коробки». Попадая внутрь, вы начинаете сказочное путешествие, где такой персонаж, как британский монарх, уже не кажется величиной значительной. Вот слева от вас мигает изумрудным глазом бриллиантовый дракон. Справа свернулась невероятным бриллиантовым узлом огромная пантера. Впереди по центру горит неистовыми бриллиантовыми огнями загадочная химера. Вот плывут лебеди, вот кувыркаются панды, вот трубят победу бриллиантовые слоны. Красный павильон Cartier — это всегда оперная сцена, это Большой театр, это царская ложа, это капище ювелирного искусства. Здесь говорят приглушенно, шепотом. Здесь интервью берут в специальных кабинетах, по освещению похожих больше на будуар или гримерку дивы. Здесь вы всегда будете чувствовать себя на каблуках, даже если пришли одетыми по зимней женовской погоде — в австралийских валенках. В хороводе огней, отбрасываемых грандиозным бриллиантовым бестиарием Cartier, речь ведут о новых часах. У Cartier теперь имеется настоящий часовой завод, мощностей которого, кажется, хватит на века. Сегодня завод поставил на конвейер несколько новых коллекций, и это сложнейшие механические часы, сделанные в соответствии с законами и кодами великого дома. Cartier посылает всем сигнал: «Мы теперь серьезный часовой дом, мы сами разрабатываем и делаем механизмы, причем такие, которые способны конкурировать с калибрами ветеранов швейцарского часового фронта». Заметно отличился в этом году стенд Girard-Perregaux. Раньше, еще три года назад, здесь мило тренькали серенады розовощекие минутные репетиры. Здесь чинно шел вперед, борясь с последствиями гравитации, трехмостовый золотой турбийон, эта полутравековая техническая гордость марки. В 2009 году почтенные модели дополнили винтажной кол-

FOLLOW YOUR CONVICTIONS*

*СЛЕДУЙ СВОИМ УБЕЖДЕНИЯМ.

“БЕСПЛАТНЫЙ ДОСТУП КО ВСЕМ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЗНАНИЯМ.
КТО-ТО СКАЖЕТ, ЧТО ЭТО
НЕВОЗМОЖНО, А Я СКАЖУ,
ЧТО ЭТО – ВИКИПЕДИЯ.”

Джимми Уэлс, основатель Википедии

В 2003 году, превратив Википедию в некоммерческий проект, Джимми Уэлс следовал своим убеждениям. Мы в Maurice Lacroix создаём наши уникальные механизмы и выдающиеся дизайны вручную, потому что, как Джимми, следуем своим убеждениям.

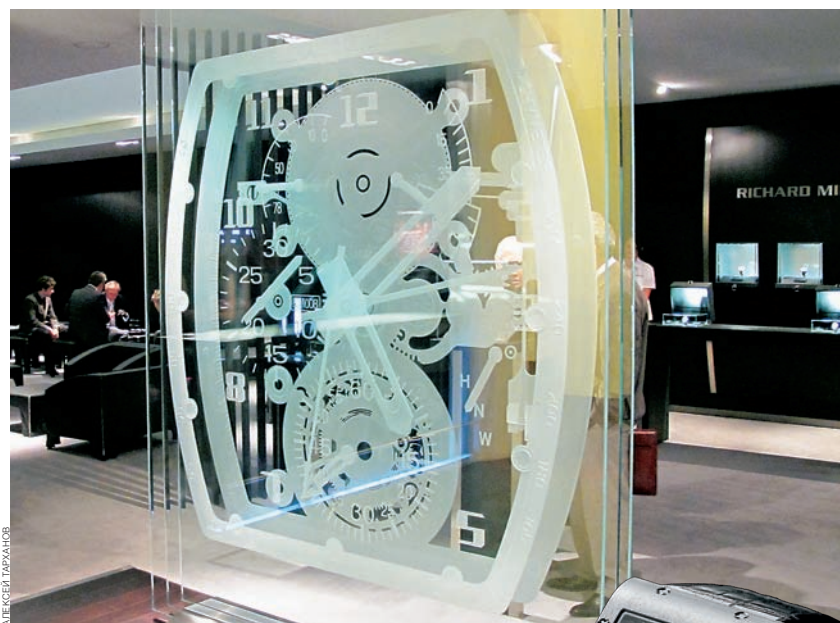
Узнайте больше на www.MauriceLacroix.com

Pontos Décentrique GMT

MAURICE LACROIX
Manufacture Horlogère Suisse

LPI RUS эксклюзивный дистрибутор; www.lpirus.ru

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

ришар милль richard mille

Пусть я не часовщик по образованию, но я хорошо знаю часы. И потому я понимаю, что 95% того, что я задумал, можно реализовать. Остается еще 5%, но современная часовая техника приходит нам на помощь, помогая расширять границы возможного. За мою карьеру создателя часов у меня было лишь две или три неудачи. Впрочем, учиться на неудачах иногда важнее, чем иметь одни сплошные успехи. Единственная забота в том, что когда ты начинаешь, ты не знаешь, когда сможешь закончить. К 150-летию дома Boucheron я делал модель Richard Mille, и она действительно удалась! Но появилась только через два года после того, как Boucheron отпраздновал свое 150-летие. Поэтому я развиваю одновременно разные модели, и они рождаются тогда, когда рождаются. Так, например, модель RM 25 появляется гораздо раньше, чем RM 18, но меня это несколько не смущает.

Richard Mille,
RM016

лекцией «1966», и это пополнение в ассортименте даже не выглядело особенной новостью. Ведь испокон века в Girard-Perregaux механику складывали к механике. Но сейчас на стенде веет вихрями техническая перманентная революция. Софитами славы согрет некогда презренный кварц: звезда швейцарской механики отмечает 40-летие своих первых кварцевых часов. Не сошли ли с ума? Нет, убеждены в Girard-Perregaux. И кварцевые часы могут быть легендарным точным продуктом, если их правильно сделать.

Нельзя забыть приютившийся рядом павильон JeanRichard — где показывают «вторую линию» славной марки Girard-Perregaux. На самом деле не вторую линию, а отдельную марку, обладающую собственным модельным рядом. Беда лишь в том, что эти часы до России почти не доходят, а если и доходят, то по таким же ценам, как и у отцовской марки — что делает их малопривлекательными к искусствоведческому анализу.

У гиганта Audemars Piguet царит привычная суета. Зал презентаций забит битком, и даже представитель марки в России господин Осоргин вынужден теряться у темной стенки, давая возможность присесть на корточки опоздавшим деятелям часового пера. Карбон, черный карбон, вот еще один карбон, оправленный в золото. А вот пошло вперед и золото, и еще золото плюс карбон, плюс титан, помноженный на хронограф, увеличенный на турбийон. Часовые презентации Audemars Piguet чем-то напоминают аукционные торги: на экране не новинки, а готовые лоты будущего аукциона. Если взглянуть в ценник, сравнение не покажется таким уж преувеличением.

Стенд итальянских Panerai тоже посвящен морской теме, как и у IWC. В конце концов, своей первоначальной славой часы были обязаны красивой легенде о том, что их разрабатывали для подводных диверсантов итальянского флота. Их рекламная кампания стоила союзникам во время второй мировой войны нескольких мощных боевых кораблей. Прижимная скоба над заводной головкой стала главным отличительным признаком новой марки. Надо отдать должное Panerai — они не увлеклись своим милитаристским дизайном. С одной стороны, теперь Panerai часы нео-

Girard-Perregaux
Tourbillon with three
Gold Bridges

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

бычные, но сугубо штатские. С другой — они не изменили своей исторической формы, и даже в самых сложных моделях дизайн 1930-х годов остался узнаваемым.

В этом году они продолжили линию самых старых и строгих часов Radiomir, построенных еще без фирменного зажима. Это совершеннейшие классические часы с простым массивным корпусом и тонкими старомодными скобами для ремешков. Образцовые винтажные модели, но, как и современные вариации старинных спортивных машин, они начинены совершенно новыми механизмами, которые Panerai теперь производят сами, не одалживаясь не только у ETA, но и даже у самих Jaeger-LeCoultre. В их линейке есть и турбийоны, и календари. Они делают керамические корпуса, но керамика, вероятно, не очень технологична для их сложной формы. Нет худа без добра — помучившись с классической керамикой, инженеры Panerai изобрели способ сообщить керамическую твердость алюминиевому корпусу. Легко обрабатываемый мягкий металл, которому уже придали всю необходимую форму, окисляется при температуре 10 тыс. градусов. 30–60-микронная пленка оксида алюминия надежно защищает корпус, превращая его в полный аналог керамики. Новый материал называется Panerai Composite. Часы из нового композита Radiomir Composite Marina Militare 8 Giorni невероятно прочны и очень легки, при этом корпус выглядит как окрашенный металл — никаких ассоциаций с пластиком. Так что лист корабельной стали с заклепками, украшающий стенд Panerai, при ближайшем рассмотрении может оказаться типичным композитом. И такое творческое и технологичное отношение к традициям можно только приветствовать.

Приятно видеть, что у старых знакомых на салоне и дела идут по-старому, то есть, несмотря на кризисный год, неплохо. В конце концов, у нас общие задачи. Салон SIHH — закрытое заведение: он не для публики, а для профессионалов. Здесь часовщики показывают свои произведения закупщикам и журналистам. Одни выбирают то, что понравится читателям, другие — то, что читатели купят. Считается, что это разные вещи, но в нынешних условиях наши цели близки — донести часовые ценности до читателя или их довести.

— На Женевском
салоне торгуют отчаян-
но, но с удовольствием

BAUME & MERCIER & ME

Photo © Michael O'Neill

Товар сертифицирован реклама

ВРЕМЯ добрых дел. Для получения более подробной информации об участии Baume & Mercier и Дэвида Духовны в программах, направленных на совершенствование системы воспитания наших детей, на поиски решения для лечения рака и на охрану окружающей среды, приглашаем Вас посетить сайт: www.baume-et-mercier.com.

CLASSIMA
EXECUTIVES

BAUME & MERCIER
GENEVE · 1830

Консул • Ле Локль • Conquest • Da Vinci
Eurotime • Louvre • Sublime by Bosco • Vendôme

Адреса магазинов в России и СНГ на сайте
www.baume-et-mercier.com

РАДОСТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОЛЛЕКЦИЕЙ SANDOZ И РЕСТАВРАЦИЕЙ PARMIGIANI ВОСХИЩАЕТСЯ ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

— «Белая мышь», автоматон, Женева—Лондон, 1810.
«Эфиопская гусеница», автоматон, Женева—Лондон,
1800. «Лягушка», автоматон, Лондон, 1810

— «Канатоходец», часы с движущимися
барельефами, около 1820 года

— «Подзорная труба»,
часы и музыкальная шкатулка
с автоматами, Женева, 1820.
«Флакон для духов»,
Женева, 1800

— «Карманный нож»,
часы с репетиром, 1860–1900

Каждый год SIHH предлагает посетителям камерную выставку, не более 30 раритетных часовых предметов. Это могут быть примечательные спортивные часы, модели плодотворной эпохи ар-деко или необычные редкие карманные часы. Сюжет год от года разный, но к экспонатам всегда предъявляется важное требование. Это должны быть кунштюки, вещицы удивительные, доказывающие, что мир часов — это не только прилавок и витрина, но и искусство. Это не только сезон и новая коллекция, но и музейное собрание, дорожающее с каждым месяцем.

В этом году традиционную камерную выставку составили 25 предметов Sandoz Collection. Сандоз — известная в Швейцарии «фармацевтическая» фамилия. Морис-Ив Сандоз, химик, писатель, композитор и меценат, еще в середине XX столетия начал собирать раритетные часы и часовые штучки вроде автоматов и музыкальных шкатулок. Некоторые старинные вещицы были настолько хрупкими и давно сделанными, что к указанному периоду уже представляли собой обыкновенные статуэтки, то есть были неподвижными предметами. Трудность положения заключалась в том, что никто из часовщиков не брался их реставрировать.

Сегодня в активах семьи Сандоз значатся не только фармацевтические предприятия, два пятизвездных отеля в Швейцарии, но также часовая мануфактура Parmigiani, расположенная в деревне Флерье. Собственно часовое производство Parmigiani называется Vaucher. Кроме полного

обслуживания часового цикла Parmigiani Vaucher выполняет заказы «со стороны» — например, от Hermes. На третьем этаже строения Vaucher находится миниатюрное ремонтное бюро, четыре сотрудника которого заняты на реставрационных работах экспонатов Sandoz Collection. Именно им удалось привести в должный вид все механические чудеса собрания. Того самого, с которым в период с 18 по 22 января знакомились гости SIHH. Наиболее древними часами была лондонская пара «карманных», сделанных в 1767 году знаменитым мастером Джеймсом Коксом. Усложнения одинаковые (часы, минуты, секунды, дата), а вот оформление разное: одни, с простым золотым корпусом, блистают широченной цепочкой, сплетенной из тонких нитей, а другие — перламутровыми, в эмалевых рамках, вставками на боках. Но видно сразу: серьезные инструменты. Иные экспонаты вызывают оторопь. Например, механическая лягушка: это автоматон с лаковой зеленой шкурой, усыпанной жемчугом. Или механическая белая мышь с железными усиками и розовым хвостом. И совсем неприглядна красно-коричневая эфиопская гусеница с подвижным ловким тельцем, сложенным из железных эмалевых чешуек. Остается только гадать, кому же могли быть по душе эти крохотные механические чудовища, сделанные в Женеве и Лондоне в 1800–1810-х годах.

К чудовищам примыкают и предметы обихода, в которые инсталлированы часы. Это табакерка, зеркало, вазочка для духов, небольшая подзорная труба, а также пистолет (большинство изготовлено братьями Роша в Женеве в 1810–1820-х годах). На самом деле это игрушки, золотые, с инкрустациями и множеством секретов — движущимися, словно в театре, плоскими фигурками, поющими птичками. Разумеется, птицы здесь поют строго по часам, минута в минуту шагают фигурки, движутся по железным волнам лодки, распускаются цветы.

Внимание посетителей привлек и русский исторический объект под названием «Яйцо павлина». Конечно, это работа фирмы Фаберже, 1908 года. «Яйцо павлина» нисколько не напоминает об императорских яйцах, здесь иная конструкция. Шар из горного хрусталя на резной золотой подставке таит в себе летящую вперед фигуру павлина в рамке из золотых цветов. Красоты и мастерства — ничуть не меньше, чем у женевских ремесленников.

— «Кот и мышь», часы,
сделанные в память Эдуарда-
Марселя Сандоза мануфактурой
Parmigiani, Флерье, 2010

СУМБУР ВМЕСТО ЧАСОВ ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ ЧАСОВЫМ МИРОМ ВОЗМУЩАЕТСЯ ЮРИЙ ХНЫЧКИН

на первой линии

К благополучным революционерам стоит отнести всего лишь три независимые марки. Список радикальных счастливицев, которым сегодня по карману снять для презентации президентский suite в гранд-отеле на первой линии Женевского озера, открывает часовое бюро Максимилиана Бюссера MB&F. Затем идут Urwerk и De Bethune. Эти компании успели зарекомендовать себя как производители не только оригинальных по конструкции и калибрам, но еще и довольно надежных в эксплуатации часов.

__Urwerk,
UR-203

__MB&F, Horological
Machine 2

Параллельно достойному и респектабельному салону SIHH в Женеве на свое отдельное толковище собрались маленькие новорожденные марки. Новый независимый салон был назван по-простому: GTE — Geneva Time Exhibition, и в нем участвовали более 30 марок. Салон меня, признаться, расстроил. Как нам стало понятно совсем недавно, сытые годы принесли с собой не только укрепление государственности, формирование резервного фонда и другие несомненные позитивные признаки вставания России с колен. Сопутствующая сытости некоторая обрюзглость образовалась не только в родном отечестве, но и в его luxury-придатках, одним из важнейших из которых является затерянная в горах на 3000 км западнее Третьего Рима Гельвеция. Тамошние Левши, польстившиеся на изменчивую конъюнктуру мирового рынка углеводородов, а также на временно возросшую покупательную способность в отдельных странах загнивающего Запада, позволили себе отход от традиционных принципов высокого часового искусства и рискованные формалистические эксперименты с материалами, фактурой и цветами. Более того, они замахнулись даже на проверенные веками принципы индикации времени. Соревнованиям в традиционных часовых дисциплинах (на самый тонкий механизм, на самую большую концентрацию усложнений на квадратный сантиметр, на самый длительный запас хода) они предпочли создание уродливых конструкций, имеющих целью затруднить их обладателям определение точного времени. Примерно так, с точки зрения часовых догматиков, следует расценивать увлечение молодых марок часами с нетрадиционной индикацией. Вместо извечных стрелок они применяют телескопические сателлиты или керамические подшипники, перемонтируют узлы механизмов, используют цепные передачи вместо системы колес. Но более всего пуритов раздражает внешний вид этих изделий: вычурные корпуса, покрытые обязательным черным PVD, немислимая смесь резины, розового золота и какого-нибудь редкого металла наподобие тантала, комбинация указателя «прыгающего часа» и ретроградных индикаторов минут и даты... Может быть,

ортодоксы все-таки правы и экзерсисы последних лет — тупиковая ветвь часовой эволюции? Подтверждением их правоты служат некоторые просчеты, допускаемые новыми марками. В жертву внешним эффектам приносится эргономичность конструкции, а погоня за техническими сложностями оборачивается невысокой надежностью механизмов. Разумеется, почти у всех из новоявленных производителей есть проблемы с чистотой происхождения, мануфактурностью их продуктов. Тут в ход идет всякая словесная эквилибристика наподобие «сетевой мануфактуры» — термина, призванного замаскировать отсутствие у марки какого-либо собственного производства, кроме финальной сборки. Действительно, при нынешнем разнообразии производителей комплектующих, корпусов и модулей усложнений сконфигурировать и произвести в количестве нескольких десятков экземпляров очередные чудо-часы вполне возможно. Что же касается нередко объявляемой за них астрономической суммы, то она определяется не столько затратами на разработку и производство, сколько огромными маркетинговыми расходами на раскрутку и продвижение марки. Впрочем, в конечном итоге решение спора между консерваторами и «обновленцами» — за покупателем. Экстравагантные часы, как показывает опыт тех самых сытых лет, вполне способны найти своего клиента, ставящего на первое место оригинальность конструкции и «незамысленность» бренда. Он не отягощен глубокими знаниями часовых традиций, его не волнует ликвидность покупки (в случае с новыми марками, как правило, весьма сомнительная), но вместе с тем он взыскует премиального продукта. Почему нет? И тогда бойкие молодые люди в драных джинсах, заменившие за конторкой часовой лавки седовласого старца с лупой в глазу, обязательно предложат ему распоследнее достижение в области наручной микромеханики. Так что будем терпимы к людским слабостям. «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», — говаривал по подобному поводу великий ревизионист Мао Цзэдун.

__Aspen, Aspen One
RCaramel

__Ladoire, RGT Titanium
Black Front

в глубокой норе

Современные часовые революционеры (вроде участников Geneva Time Exhibition — Ladoire, HD3, B.R.M., Cabestan, Snyderwatches, Titanium Cargo, Zandidoust) только лишь с виду громкие трибуны и разрушители традиций. На самом деле их существование ничем не отличается от жизни классического швейцарского часовщика. Существование крайне скромное, но с мечтами о предстоящей славе, как у Бреге, и о продажах, как у Ролекса.

ШИНДЖИ ХАТТОРИ: SEIKO НИ ОТ КОГО НЕ ЗАВИСИТ С ГЛАВОЙ SEIKO WATCHES CORP. ВСТРЕТИЛСЯ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Сорок лет назад марка Seiko стала творцом и движущей силой «великой декабрьской кварцевой революции». Зимой 1969 года они выпустили первые в мире часы с привычными на вид стрелками, которые двигал, однако, кварцевый часовой механизм. Часы Quartz Astron такой же символ японской победы, как Цусимское сражение. Бреносцы старинных швейцарских марок тонули один за другим под ударами кварца — точного, аккуратного, долговечного и невероятно модного на рубеже 1970-х. ШИНДЖИ ХАТТОРИ, президент и генеральный директор Seiko Watch Corporation, рассказывает о славном юбилее.

— В 1969-м Seiko едва не похоронила традиционную часовую промышленность. Эти времена швейцарские часовщики до сих пор видят в страшных снах. А теперь вы решили с ними соперничать в дорогой механике?

— Мы сильны в электронике, но считаем, что рынку не хватает наших механических моделей, которые давно и хорошо известны в Японии. Я уверен, что мы способны производить часы не хуже, чем у самых знаменитых швейцарских мануфактур.

— На чем основана ваша уверенность?

— Мы живем на свете 128 лет, это по всем европейским меркам достаточно для того, чтобы считаться традиционной мануфактурой. Seiko ни от кого не зависит. Многие швейцарские компании, называющие себя мануфактурами, лишь надевают готовые механизмы, которые они покупают. У нас же настоящее вертикальное производство. Для наших механических часов мы все делаем сами — от пружины до стрелки, в любых необходимых нам количествах и с настоящим японским качеством. А это значит, что мы можем не только производить отличные коллекционные часы Made in Japan, но и продавать их по ценам, которые, заметим, при нашем уровне качества могут показаться нашим конкурентам недосягаемо доступными.

— О каких ценах вы говорите?

— Высокая цена для нас начинается от \$10 тыс., но есть у нас модели и за \$40 тыс., и за \$50 тыс.

— И кризис не скорректировал вашу политику игры на повышение?

— Скорректировал, но лишь в том смысле, что мы дополнительно укрепили и средний ценовой сегмент. Он всегда востребован, к тому же для нас это не представляет труда, нам не надо делать резких движений.

— Но ваши конкуренты специализируются именно на часах, а у Seiko множество других забот, например электроника. Может быть, эта огромная корпорация не так внимательна к маленьким часам?

— Было время, когда электроники вообще не существовало, а Seiko уже была. В 1881 году, когда появилась наша компания, ее основатель, мой уважаемый предок Кинтаро Хаттори, начинал именно с часов. Он их ремонтировал, а потом начал производить самостоятельно. Сначала карманные часы, потом наручные. И потом целых шесть десятилетий мы занимались

Quartz Astron, 1969

битва за кварц

История битвы за кварц хорошо известна. Первые часы с кварцевым сердцем были построены еще в 1927 году, но, скорее, как астрономический инструмент. Еще 50 лет назад кварцевые часы напоминали

платяной шкаф размером 2,1 x 1,3 м. К 1962 году дело продвинулось — новый морской хронометр, выпущенный Seiko, весил каких-то 30 кг.

Важным шагом стал трехкилограммовый Crystal Chronometer QC-951, использованный для хронометража на Олимпийских играх в Токио в 1964 году. К этому времени стало известно, что над миниатюрным кварцевым механизмом для наручных часов работают и другие марки. Швейцарцы — прирожденные инженеры, аккуратные, как японцы, и методичные, как немцы, — тоже готовились к атаке. И тогда Шиндзи Хаттори, тогдашний глава Hattori Seiko, потребовал вывести продукт на рынок в течение года.

В невероятно короткое время был придуман крошечный двигатель с батарейкой, которой хватало, однако, на год работы. Модель Quartz Astron появилась 25 декабря 1969 года как неплохой рождественский подарок конкурентам, хотя эти первые часы в золотом корпусе стоили столько, сколько машина-малолитражка.

Seiko Ananta Spring Drive Chronograph

Блеск меча и точность движения — так описывают японцы свою новую серию хронографов. Особая полировка придает корпусу блеск японской катаны, а механизм Spring Drive 5R86 обеспечивает постоянное движение стрелки в интервале между секундами

только часами. Что же касается электроники, то именно наши часовые знания помогли нам тогда. Например, в печатных узлах принтеров мы использовали наши знания в микромеханике, наработанные в производстве часов. И наоборот, знание электроники помогло нам первыми выпустить кварцевый механизм для наручных часов, требовавший миниатюризации и долго работающих батареек.

— Но ведь Seiko не откажется от кварца?

— Конечно, нет. Мы помним, скольким мы обязаны кварцевым часам. Во всем мире при помощи наших кварцевых часов, аккуратных и точных, узнают время. Кварцевый механизм до сих пор остается в арсенале марки, в котором есть и такие любопытные модели, как вечный Kinetik, часы без батареек, где электроэнергию дает движение ротора, или часы, подзаряжающиеся от тепла вашего тела. Но до изобретения кварца мы занимались механическими часами просто потому, что других не было. Мы делали их на очень высоком уровне и не раз получали сертификаты качества на европейских конкурсах. Именно Seiko в 1969 году разработали механический хронограф, который в то время был вершиной часовой мысли. Создание такого механизма ставят себе в заслугу Zenith, Breitling и TAG Heuer. Мы давно накопили очень высокие технологии для производства механических часов. Теперь они в моде, а кварц стал менее престижным, и вот мы вернулись к своим истокам. Мы делаем отличные механические часы и хотим, чтобы все это узнали.

— Значит, предстоит новое наступление на старый часовой свет?

— Оно неизбежно.

ЧУДО ТЕХНИКИ ПРОШЛОГО ВЕКА GIRARD-PERREGAUX ОЦЕНИЛ КВАРЦ

Исторический
механизм 40 лет
назад

и в 2010 году

Girard-Perregaux
Laureato

SINH — международный салон Haute Horlogerie (или высокого часового искусства) никогда особенно не приветствовал кварцевые механизмы, едва не убившие это самое искусство в 1970-х. Об атаке японского кварца в Женеве вспоминают, как о Перл-Харборе на Гавайях. И вот в 2010-м очень уважаемая, очень дорогая, да и действительно хорошая марка Girard-Perregaux представляет часы с кварцевым механизмом.

— Не может быть того! — возмущаюсь я. — А как же тончайшая коллекция Vintage? А турбийон с тремя золотыми мостами? А репетир, играющий Моцарта? О каком кварце может идти речь? И тут мне объясняют, о каком.

В 1960-х, когда кварцевые наручные часы мечтали представить все мануфактуры, Girard-Perregaux вела свои собственные изыскания, не связанные со швейцарской программой часовой электроники. К финишу они пришли вместе с конкурентами, хотя и позже Seiko, и в 1970-м на салоне в Базеле представили свои первые часы с кварцем Elscop. Вскоре механизм был усовершенствован, тестирован, награжден — всего Girard-Perregaux выпустила 20 тыс. таких калибров, пока не обнаружилось, что конкурировать с японцами в электронике не успевают ни Европа, ни США.

Часы, похожие на кварцевую модель Girard-Perregaux Laureato, что предлагалась покупателям в 1975 году, — новинка 2010 года. У них многоугольный циферблат и металлический браслет-корпус, как в старые добрые времена. На черном циферблате надпись 32'768 Hz — частота колебаний мануфактурного механизма, открытого со спины. Пусть под стеклом не видно движения — механизм кварцевый, зато основа его обработана в стиле Cotes de Geneve, как будто бы перед нами какой-нибудь чванный мануфактурный хронограф.

И еще два параметра — поважнее, чем частота колебаний. Серия — 40 экземпляров. Стоимость — около 12 тыс. франков, или 348 тыс. руб. Гениально. Я удивлюсь, если хоть одна пара останется непроданной.

Алексей Тарханов

реклама

FREDERIQUE CONSTANT GENEVE

Live your passion*

Новации и безупречное качество — девиз Frederique Constant. Страсть к точности и деталям и высокое мастерство движет нашими мастерами при создании современных швейцарских часов классического дизайна по исключительной цене.
www.frederique-constant.com
 * Живи со страстью

FC-700MS5M6
MAXIM

LPI RUS эксклюзивный дистрибутор; www.lpirus.ru

РЕШАЮЩИЕ ЧАСЫ УКРАИНЫ ПРЕЗИДЕНТОВ И ПРЕЗИДЕНТОК РАССМАТРИВАЕТ МАРИЯ ЦУКАНОВА

__WC Portuguese
Hand-Wound

лигентнее, даже если называешь Анну Ахматову — Ахметовой.

Кстати, Ринат Ахметов — самый богатый человек Украины, владелец футбольного клуба «Шахтер» и соратник Виктора Януковича — часами увлечен всерьез. В его коллекции сложнейшие модели Parmigiani, Breguet, в частности скелетонизированный минутный репетир Patrimony Vacheron Constantin. Ахметов же — законодатель моды на Hublot среди украинских политиков.

На этих президентских выборах в большую политику вернулся серьезный коллекционер сложных часов банкир Сергей Тигипко и сразу же занял третье место с 13% голосов. Его идея проста: Украине нужен

сильный президент, способный удержать ее в ежовых рукавицах. Любимая марка господина Тигипко типична для сильных президентов — Patek Philippe. Достаточно вспомнить хотя бы предыдущего украинского лидера Леонида Кучму с его Patek Philippe Calatrava. Президентом Сергеем Тигипко в ближайшее время не бывать, во второй тур он не прошел, зато у него появился шанс стать премьером: Юлия Тимошенко пообещала ему пост в случае победы. Ну что же, сильные премьеры в часах Patek Philippe науке тоже известны.

Молодой интеллигентный Арсений Яценюк строил предвыборную кампанию от обратного. Сменил невременный Breguet Classique Automatic на молодежный Casio за \$75. «Батарейка — десять лет, хватит на два президентских срока», — шутил господин Яценюк на своем блоге в «Твиттере». Шутку оценили только 7% избирателей. Уж если с часами шутить, то так, как это делает кум Виктора Ющенко, грузинский президент Михаил Саакашвили. Он носит пластиковый розово-голубой Swatch Bunnysutra с совокупающимися кроликами на циферблате. Модель оснащена занятным усложнением: если легонько стукнуть по корпусу пальцем, стрелки забегают и укажут на ту позу, в которой владелец часов займется любовью ближайшей ночью.

Председатель верховной рады Владимир Литвин (2,35% голосов) любит часы броские — DeWitt или Roger Dubuis. А лидер коммунистов Петр Симоненко (3,55%), наоборот, предпочитает скромные Longines или даже советские часы — на то он и коммунист.

Видный знаток haute horlogerie — экстравагантный киевский мэр Леонид Черновецкий. В его коллекции замечены такие редкие экземпляры, как DeWitt Tourbillon Mysterieux Joaillerie и двусторонний Patek Philippe Sky Moon Tourbillon. Интерес Леонида Черновецкого к астрономическим часам легко объясним: за странности в поведении киевляне прозвали мэра Космосом — и господин Черновецкий своим прозвищем гордится. Куда проще выбирать часы извечному оппоненту Леонида Черновецкого — боксеру Виталию Кличко, также претендовавшему на пост киевского мэра. Точнее, ему вообще не нужно выбирать: в честь братьев Кличко Montblanc назвал один из своих лимитированных хронографов — и спортивный политик с удовольствием его носит.

7 февраля Украина выбирала нового президента. Окажется им Виктор Янукович или Юлия Тимошенко — мы гадали всю предшествующую неделю. Нам результат был еще неизвестен. Вы, скорее всего, уже узнали. Мы вам завидуем.

Ясно одно, период «оранжевых» настроений здесь окончательно и бесповоротно закончился. Можно предположить, что «оранжевая» коалиция развалилась из-за легкомысленности ее лидеров: часов они не наблюдали. Юлия Тимошенко принципиально сверяет время лишь по мобильному телефону с самого начала политической карьеры, а Виктор Ющенко отказался от часов на время президентской службы. (Хотя, поговаривают, на отдыхе оба носят часы: Юлия Тимошенко — миниатюрные, например маленькие Cartier Tank, а Виктор Ющенко — простые классические Breguet или Vacheron Constantin. Но это — большая тайна.)

Зря не догадалось российское правительство демонстративно подарить украинским лидерам по паре Patek Philippe с вечным календарем и будильником, глядишь, платежи за газ поступали бы регулярнее. О важности будильника в жизни украинского политика знает разве что близкий друг Виктора Ющенко министр иностранных дел Петр Порошенко — по совместительству производитель легендарного «Киевского торта». Одни из его Breguet — это как раз модель GMT Alarm.

На публике часам Тимошенко и Ющенко предпочитают украшения. Он носит старинный казацкий медный перстень в виде подковы. А она — жемчуг во всех его проявлениях, от бижутерии Dolce & Gabbana до кокетливых украшений Chanel и классических акция Mikimoto. Жемчуг вообще можно назвать украинским национальным украшением: его здесь выбирают практически все женщины-политики и первая леди Катерина Ющенко. Тут даже непосвященному ясно, что Виктор Янукович из другого лагеря. Часы он любит и каждый день подбирает по настроению: то Blancpain Lemania GMT, то Zenith Class Elite, то IWC Portuguese. Невооруженным глазом видно, что часы господину Януковичу строить и жить помогают: в первом туре выборов он получил более трети голосов, в то время как Тимошенко — всего четверть, а Ющенко — сиротские 5%. Часы Виктора Януковича по украинским меркам скромны, но, безусловно, достойны. Все три мануфактуры имеют давнюю славную историю, в их продукции выглядишь интел-

__Cartier Tank
Allongee

Нурсултан Назарбаев, президент Казахстана
Родившийся в крестьянской семье в 1940 году Нурсултан Назарбаев проделал образцовый трудовой путь: от рабочего на стройке до первого секретаря ЦК партии. Став в 1990 году президентом Казахстана на закате СССР, не оставляет эту должность по сей день. Если в 1990-е регулярное продление его президентских полномочий еще представляло какую-то проблему, то в 2007 году парламент принял специальную поправку к Конституции, позволяющую господину Назарбаеву (и только ему лично) переизбираться столько раз, сколько позволит здоровье. Из-под рукава господина Назарбаева, похоже, виден краешек Piaget Emperor XL в желтом золоте.

СЛУГИ БРАТСКИХ НАРОДОВ О СТИЛЕ ПРЕЗИДЕНТОВ ПОСТ- СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК — АЛЕКСАНДР ГАБУЕВ

Люди, которые руководят постсоветскими республиками, такие же разные, как и доставшиеся им осколки огромной когда-то империи или история прихода к власти. Нурсултан Назарбаев и Ислам Каримов руководят богатыми нефтью и газом странами еще с советских времен, безболезненно конвертировав должность первых секретарей ЦК в пожизненное президентство. Ильхам Алиев стал первым лидером, успешно унаследовавшим богатую страну от отца. Зато Эмомали Рахмону, чтобы стать президентом Таджикистана, пришлось пройти через гражданскую войну. Курманбек Бакиев и вовсе получил власть в Киргизии из рук толпы. Впрочем, помимо президентского статуса этих людей многое объединяет. Да вот хотя бы любовь к часам, цена которых, как легко убедиться, не зависит от размера бюджета страны.

Судя по фотографиям, они настоящие ценители классической швейцарской часовой механики. Однако стоит сделать скидку на то, что фотографии не передают всех деталей и догадки о марках и достоинствах часов остаются лишь догадками.

UNISSE MAGDIN

Александр Лукашенко, президент Белоруссии

Даже после многих лет во главе Белоруссии (президентом он стал в 1994 году) Александр Лукашенко не избавился от имиджа колхозника: в начале 1980-х он трудился заместителем председателя колхоза «Ударник» в Могилевской области. Благодаря образу «человека из народа», который всегда рубит с плеча и режет правду-матку, Лукашенко завоевал популярность у себя на родине, да и во многих регионах России. Он же позволяет президенту вот уже 15 лет лавировать между Кремлем и Европой, то создавая Союзное государство, то объявляя о намерениях вступить в ЕС. На руке у господина Лукашенко, скорее всего, Vacheron Constantin Patrimony Contemporain.

AP

Ильхам Алиев, президент Азербайджана

Пост президента Ильхам Алиев унаследовал. Его отец Гейдар Алиев руководил республикой сначала на посту первого секретаря, а потом президента. В молодости Алиев-младший, как и многие представители советской «золотой молодежи», учился в МГИМО (поступив туда в 15 лет). В начале 1990-х, когда Гейдар Алиев на короткое время лишился власти, занимался бизнесом в Турции. Но сразу после возвращения отец начал готовить его к операции «Преемник», которая успешно прошла в 2003 году, — Ильхам Алиев без проблем выиграл президентские выборы. На руке у господина Алиева — круглые часы в белом золоте, напоминающие Osta F.P.Journe.

АЛЕКСАНДР МИРДОНОВ

Серж Саргсян, президент Армении

Путь Сержа Саргсяна к власти в Армении начинался, как и у многих из его коллег, по комсомольской линии. Однако с началом войны в Карабахе он стал одним из полевых командиров и всю дальнейшую карьеру в политике делал уже как силовик: до избрания президентом в 2008 году успел поработать главой МВД, министром обороны, шефом ГБ и секретарем совбеза. На руке у господина Саргсяна — астрономические часы, похожие на Patek Philippe.

АЛЕКСАНДР МИРДОНОВ

Эмомали Рахмон, президент Таджикистана

Став президентом в 1994 году в ходе гражданской войны, Эмомали Рахмон своей главной задачей назвал борьбу с нищетой в Таджикистане — самой бедной республике бывшего СССР. Для начала он решил отучить сограждан от привычки жить не по средствам, запретив любые пышные отмечания свадеб, похорон и дней рождения, а также приказав всем гражданам не использовать зубные протезы из золота. Кроме того, президент Рахмон неоднократно предпринимал нестандартные шаги для спасения экономики. Так, с 6 января населению в принудительном порядке продаются акции Рогунской ГЭС — вырученные деньги власти обещают пустить на завершение этого советского долго строя. Господин Рахмон, как можно предположить, счастливый обладатель одной из классических моделей Patek Philippe Calatrava.

Ислам Каримов, президент Узбекистана
Возглавив Узбекистан в 1989 году в качестве первого секретаря ЦК, Ислам Каримов правит страной железной рукой уже более 20 лет. За это время он успел трижды переизбраться на должность президента (по конституции Узбекистана президентом можно работать два срока подряд), пережить события в Андижане, разместить в стране американскую военную базу, а затем выгнать ее, несколько раз войти и выйти из ОДКБ и ЕврАзЭС. Длань президента украшена, скорее всего, Vacheron Constantin Patrimony Contemporain.

__Jaquet Droz, Grande Seconde Ivory Enamel

__Patek Philippe, Calatrava

__Piaget, Emperador XL Tourbillon Reserve de Marche

__Patek Philippe, Annual Calendar

__Vacheron Constantin, Patrimony Contemporain

__F.P. Journe, Octa Reserve de Marche

Курманбек Бакиев, президент Киргизии
Придя на президентский пост в 2005 году на волне «тюльпановой революции», начавший политическую карьеру еще в КПСС Курманбек Бакиев обещал бороться с коррупцией и вести страну к торжеству демократии. Уже через год ОМОН по его приказу подавлял массовые выступления оппозиции в Бишкеке. А переизбравшись летом 2009 года на второй срок, Бакиев тут же инициировал политическую реформу, которая существенно расширяет его полномочия. Господин Бакиев носит Jaquet Droz Grande Seconde Ivory Enamel, коллекция Hommage Geneve 1784 — здесь трудно ошибиться.

Гурбангулы Бердымухамедов, президент Туркменинии
После загадочной смерти Сапармурата Ниязова в декабре 2006 года его преемник, экс-министр здравоохранения Гурбангулы Бердымухамедов, начал постепенно избавляться от наследия Туркменбаши. Например, из программ туркменского телевидения исчез логотип в виде изображения золотого бюста Туркменбаши, да и сами золотые памятники отцу всех туркмен стали тихо покидать свои пьедесталы. В своих личных предпочтениях Гурбангулы Бердымухамедов тоже не стал следовать заветам Туркменбаши, который славился любовью к массивным золотым часам с огромными камнями. Насколько можно судить по фотографии, господин Бердымухамедов выбрал одну из классических моделей Patek Philippe Annual Calendar, украшенную скромными белыми бриллиантами Top Wesselton.

НАХОДКИ «ПОТЕРЯННЫХ» О ВЕСЕЛЬЕ 1920-Х СОЖАЛЕЕТ МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

— Афиша «Голубого ангела» с Марлен Дитрих

— Rolex Oyster, 1926

— Луи Армстронг разыгрывает 1920-е как по нотам

«Золотые», «веселые», «безумные» — ни одна эпоха не заслужила столько звонких имен, как 1920-е. Даже в тревожные «ревушие двадцатые» слышен не только треск автомата Томпсона, «калькулятора», при помощи которого Аль Капоне производит расчеты на рынке запрещенного (1919–1933 годы) в США спиртного, но и труба Луи Армстронга и восторженный рев биржи. 1920-е — годы Америки, вышедшей из мировой войны хозяйкой мира. Небоскребы Нью-Йорка — новое чудо света: здание Крайслера, Рокфеллеровский центр, Empire State Building. За \$1 в Европе продается все. Особенно в Германии, на родине инфляции. В декабре 1921 года \$1 стоит 46 марок, в декабре 1923-го — 4 трлн 200 млрд. Зарплату выдают чемоданами, она обесценивается, пока «богач» добежит до лавки. Берлин замерзает: зимние холода 1923–1924 года ускорят смерть Франца Кафки. Его друг Макс Брод не сожжет, как обещал, после смерти Кафки его рукописи. Кафкианский «Процесс» (1925) окрасит восприятие 1920-х отчаянием, большинству современников Кафки, как ни странно, чуждым. Самые отчаянные годы Берлина — золотой век кабаре: его издевательский смех породит «Трехгрошовую оперу» Бертольта Брехта (1928), его чувственность — «Голубого ангела» (1930) Джозефа фон Штернберга, где Марлен Дитрих поет, что вся она «от головы до ног — одна любовь». 1920-е — годы счастья, неважно — сиюминутного или близящегося. «Мы были абсолютно аморальны и счастливы», — вспоминает Луиза Брукс,

воплотившая на экране абсолютный гедонизм. Нести на штыках «счастье и мир трудящемуся человечеству» приказано Красной армии, идущей (1920) на Варшаву. Мировая война аннулировала государство, семью, церковь, школу. У мира кружится голова: все — от секса до революции — начинается с чистого листа. В конце концов, выжить в мировой войне — уже счастье.

Мир выжил и, несмотря на большевистское землетрясение, никогда не был так един. Свои Интернационалы объединяют и художников, и девушек, отплясывающих под одни и те же патефонные пластинки в Чикаго и Москве, и авиаторов. Свой Интернационал у идеалистов-рационалистов, чертящих будущее. В веймарском Баухаузе (1919), Институте искусств и ремесел Вальтера Гропиуса, и московском ВХУТЕМАСе (1920). Художники Василий Кандинский, Пауль Клее, Казимир Малевич, Владимир Татлин учат искать универсальную форму, идеальный дизайн. «Новый дух» в архитектуре манифестирует Ле Корбюзье (1920). В июле 1920-го наступает «театральный Октябрь» Всеволода Мейерхольда, в октябре рождается «Пролетарский театр» Эрвина Пискатора, в ноябре — «элитарный театр для всех» Фирмена Жемье.

Главный Интернационал — «потерянное поколение». Слова писательницы Гертруды Стайн «Все вы — потерянное поколение» — эпитафия к роману Эрнста Хемингуэя «Фиеста» (1926). «Потерянные» чудом выжили в траншеях,

—Магазин Chanel
в Париже, 1929

—Адольф Гитлер
и Иосиф Сталин
скоро задумаются
о разделе Европы

—Жозефина Бейкер
на афише «Негритянского ревю»,
Париж, 1928

—Тутанхамон — открытие гробницы
Говардом Картером, 1922

—«Носферату.
Симфония ужаса»
Фридриха Вильгельма
Мурнау, 1922

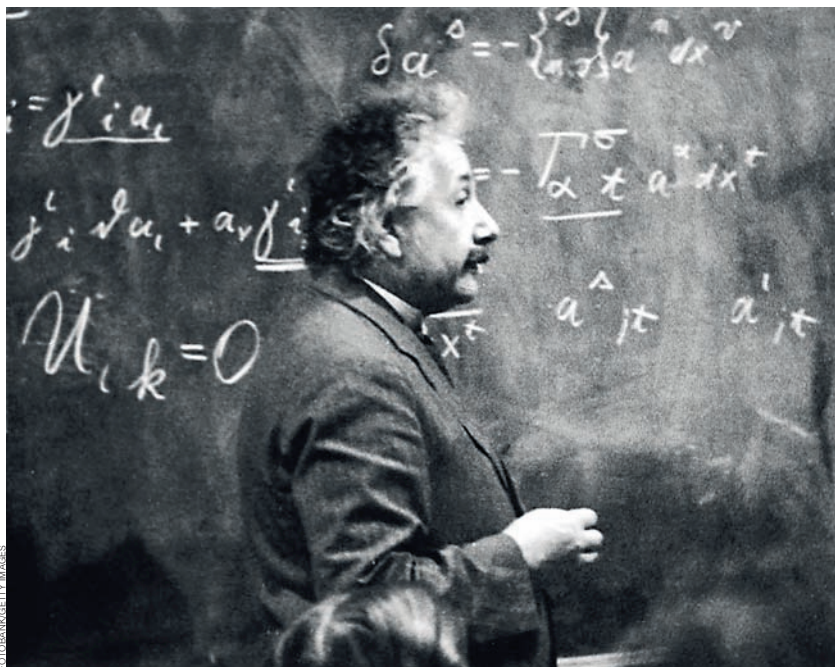
—Cartier Tank, 1921

—Cartier Trinity, 1925

потеряв друзей, молодость, иллюзии, сантименты. Индивидуалисты, циники, апатриды. Их манифесты — «Прощай, оружие» (1929) Хемингуэя, «На Западном фронте без перемен» (1929) Эриха Марии Ремарка, окопный натурализм картин Отто Дикса. Встретив (1916) в военном госпитале Жака Ваше, одного из тех, кто не дожил до 1920-х, Андре Бретон придумывает «автоматическое письмо». Делает его символом веры нового движения — сюрреализма (1924) — и ставит на службу «мировой революции». Звездный час сюрреализма: бритва рассекает женский глаз в «Андалузском псе» (1928) Луиса Бунюэля и Сальвадора Дали. С «самым жестоким кадром в мире» соперничает лишь расстрел из «Потемкина» (1925) Сергея Эйзенштейна. «Потерянные» — пессимисты в книгах, но от жизни берут все. 1920-е — самые танцующие годы самых «неприличных», «дикарских» танцев. Скотт Фицджеральд, автор «Великого Гэтсби» (1925), памятника горящему гедонизму, называет их «эпохой джаза» (1922), хотя Кинг Оливер и Creole Jazz Band запишут в Чикаго первую пластинку черного джаза лишь через год. Во всех 100 тысячах speakeasies Нью-Йорка — заведениях, где подают контрабандное спиртное, — звучит джаз. Его храм и притон — гарлемский Cotton Club, где впервые дает концерт Дюк Эллингтон (1927). Карлос Гардель печалится о временах, когда мир не знал бриллиантина, кокаина и морфия: радио разносит по миру эпидемию моды на танго (1924).

Но ассоциируются 1920-е все-таки не с ним. Из гетто на Бродвей вырывается чарльстон (1923). 19-летняя красавица Жозефина Бейкер, чей сценический костюм исчерпывается банановыми листьями, исполняет чарльстон (1925) в «Негритянском ревю» в Театре Елисейских Полей: наутро пляшет весь Париж. Ее секретарь и любовник — юный Жорж Сименон, придумывающий своего комиссара Мегрэ. Другой модный танец, шимми, несравненно отплясывает голливудская секс-бомба Мэй Уэст: широкая рубашка с огромным декольте открывает ничем не стесненную грудь. Уэст судят за непристойное поведение, но публика ломится на ее пьесу «The Drag» об однополую любви. Сексуальную ориентацию не скрывают, она не мешает звездной карьере ни Рамона Наварро, ни Аллы Назимовой. Бисексуальная аура окружает Марлен Дитрих и Грету Гарбо. Гей-столица мира — Берлин: гремит дело вампира Хаармана, убийцы 50 юношей-проституток. В США расцветают мужские ransy clubs, в Париже — лесбийские «храмы дружбы» Рене Вивьен. Любовь «амазонок» — феминизм 1920-х, их иконы — романистка Вирджиния Вулф и живописец Тамара фон Лемпицки. Коко Шанель гордится, что «вернула женщинам их тела». Первые духи-унисекс, Le Sien Жана Пату (1929), венчают триумф андрогинности. Корсеты забыты как страшный сон. В женский гардероб входят свитера, брюки, галстуки, а то и монокли. В их распоряжении — крем для загара (1922), патроны губной помады (1927) и карманные пудреницы. Виктор Маргеритт в романе «La

Альберт Эйнштейн,
1921

Афиша «Метрополиса»
Фрица Ланга, 1926

Longines Charles
Lindbergh, 1928

Чарльз Линдберг,
Ле-Бурже, 1927

Van Cleef & Arpels,
1929

«Сын шейха» с Рудольфом Валентино
и Вильмой Банки, 1926

Garconne» (1922) окрестил женщин 1920-х «мальчишками» и был лишен за аморальность ордена Почетного легиона. Все короче стрижки, все длиннее ноги. В 1924–1926 годах юбки уменьшаются на 10 см в год. Женщины водят автомобили, ходят на боксерские матчи и «свидания вслепую», пьют крепкие коктейли — еще одна новинка эпохи, курят и спрашивают кавалеров: «Наличными или чеком?» То есть «сейчас поцелуемся или позже?».

Новый стиль жизни похож на торжествующий стиль ар-деко, эlegantный, функциональный, эклектичный, текучий и геометрический одновременно. Действие любовных романов часто развивается в поездах. Самый прославленный из них, «Восточный экспресс» (Париж—Стамбул), оформляет мэтр ар-деко Рене Лалик. Мир переживает, когда снегопад блокирует поезд в Турции (1929) и пассажиры вынуждены отстреливать волков, но не видит в этом зловещего символа хрупкости быта и бытия.

Мир 1920-х — это Метрополис из антиутопии Фрица Ланга (1926). Садам наслаждений грозит апокалипсисом загнанный под землю город-Молох. Мелодии из дансингов сливаются с выстрелами. Духи «Закат Запада», названные в честь книги Освальда Шпенглера (1922), — с гарью пороха. Бретон пишет (1929): «Простейший сюрреалистический акт состоит в том, чтобы с револьвером в руке выйти на улицу и стрелять, пока хватит сил, в толпу». Богемные кружки, трущобы и высший свет бредят «прямым действием», красным или черным — неважно. «Жизнь ничего не весила,

смерть ничего не значила» для юных ветеранов, перенесших в столицы войну нового типа: мировую гражданскую.

«Коричневые рубашки» Эрнста Рема дерутся с «красными фронтовиками» Эрнста Тельмана и «черным рейхсвером» братьев Штрассер. Отвоевав улицу у красных, маршем вступают в Рим (октябрь 1922-го) «черные рубашки» Бенито Муссолини. ГПУ охотится за белоэмигрантами, эмигранты — за советскими посланцами, незначай убивают Владимира Набокова-старшего (1922). Заказчики стоят в очереди к некоему Владо Террору: македонцы слывят лучшими киллерами. Голову болгарского премьера Александра Стамболийского они отсылают в Софию в коробке из-под бисквитов (1923). Коммунисты хоронят свиту короля Бориса под руинами взорванного собора Святой Недели (1925). Минированная повозка разносит Уолл-стрит (1920). Первый «шахид» из мичиганского Бат-Тауншип взрывает школу, где был казначеем (1927).

Суд оправдывает часовщика-поэта Самуила Шварцбарда, убийцу погромщика Симона Петлюры (1926). За гробом живописца Элигуша Неведомского, убийцы президента Габриэля Нарutowича (1922), идут тысячи варшавян. Убийцы — такие же звезды, как актеры и поэты. Впрочем, актеры и поэты тоже убивают: смерть Рудольфо Валентино (1926) и Сергея Есенина (1925) вызывает эпидемию самоубийств поклонников.

Но главные звезды — летчики, воспетые Антуаном де Сент-Экзюпери

— Patek Philippe,
1926

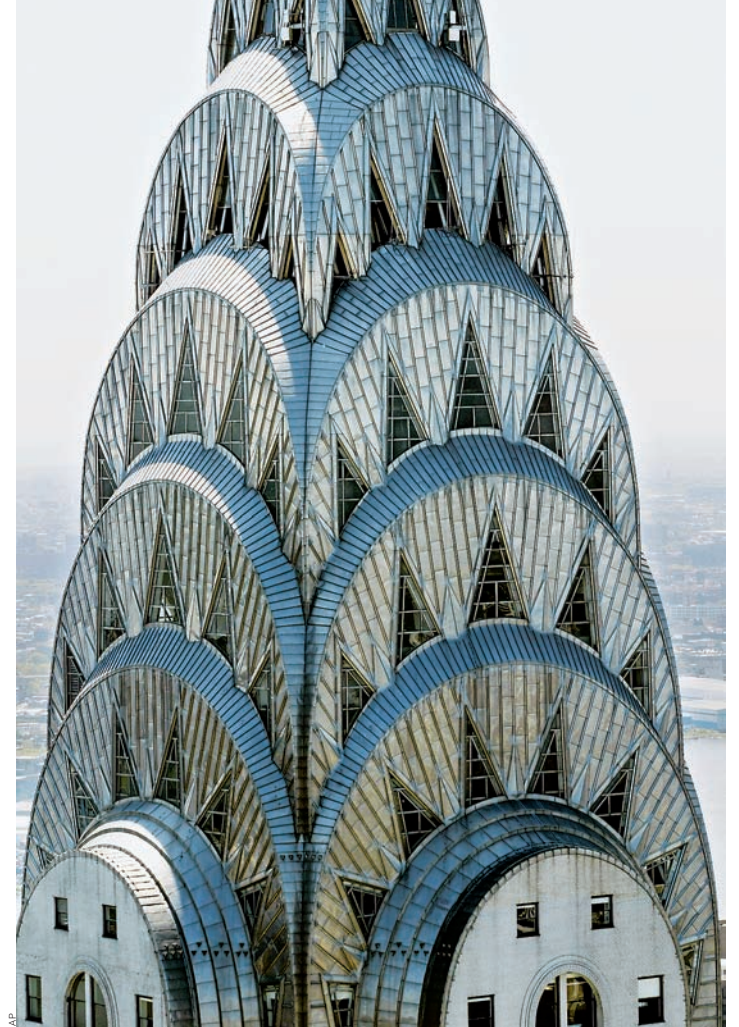
— Van Cleef & Arpels,
1924

— Vacheron Constantin,
1921

— Уолл-стрит, 1929

— Небоскреб Крайслера

FOTOBANK GETTY IMAGES

— Женский бокс:
звезды Голливуда
Дороти Себастьян
и Джоан Кроуфорд,
1927

в «Южном почтовом» (1928). Первый «Оскар» (1929) получают «Крылья» Уильяма Уэллмана. Экипаж дирижабля, пропавшего около Сицилии (1923), посмертно награжден орденами Почетного легиона. 150 тыс. человек приветствуют в Ле-Бурже 21 мая 1927 года Чарльза Линдберга, в одиночку пересекшего Атлантику за 33,5 часа. В его честь назовут танец Lindy Hop. Через год подвиг повторит 30-летняя Амелия Эрхарт. Гидроплан, на котором элита Рио встречается (1927) пионера воздухоплавания Сантоса-Дюмона, падает в океан. Рейхсвер симпатизирует нацистам, увидев в дни «пивного путча» (1923) рядом с Гитлером легендарного летчика Германа Геринга. Рамон (Шакал) Франко, перелетевший из Испании в Аргентину (1926), известнее брата — будущего каудильо Франсиско, замиряющего в пустыне мятежную «республику Риф» шейха Абд аль-Кадира. Авиация — не работа, не спорт, а пари со смертью, отшельничество в небе, наркотик. Ветераны гибнут, теща зевает на ярмарках и на съемках «Ангелов ада» (1927–1930) юного миллиардера Говарда Хьюза. Сам Хьюз ставит рекорды: на его теле нет живого места. Но рекорды — рутина. За десять лет авиатрассы окутывают мир. Летчики ищут полярную экспедицию Умберто Нобиле (1928), разбрасывают над Миланом антифашистские листовки (1930), похищают детей у бывших жен, доставляют на ринг забытые боксером Биг Боем перчатки и «бомбят» Нью-Йорк (1921), доказывая роль авиации в новой войне, которой не хочет никто, но ждут все.

— Парад в Берлине
принимает Адольф
Гитлер

AP/ROBERT VOLLET

Изобретены телевидение, вертолет, пенициллин, испытана ракета на жидком топливе. Нобелевские премии получают Альберт Эйнштейн (1921) и отцы квантовой механики — Макс Борн и Вернер Гейзенберг (1925). Религию выжигают не только в СССР: почти все падре Мексики погибают, возглавляя крестьянский мятеж (1926–1929) против атеистической власти. Но рациональнее мир не становится. Стоит Говарду Картеру найти гробницу Тутанхамона (1922), как ползет слух о проклятии, убившем 27 святотатцев, включая канарейку ученого, укушенную коброй, «змеей фараона». Экспедиция Николая Рериха (1924–1928) то ли изучает Восток, то ли ищет Шамбалу, то ли шпионит для ГПУ. Зрителей гипнотизируют доктор Калигари (1920), доктор Мабузе, вампир Носферату (1922). Немецкие маклеры следуют предсказаниям для биржевиков Гершеля Штайншайдера, «ясновидящего Хануссена». Хануссена найдут в лесу с пулей в затылке (1933), гонораром за пророчество о поджоге Рейхстага. Дух 1920-х убьют копившиеся в подземельях истории безличные, безжалостные силы. Никто не предскажет «черный вторник» 29 октября 1929 года, начало великого кризиса. В США возродится цензура, да такая, что 1920-е покажутся сном. Обретя абсолютную власть, Сталин (1929) и Гитлер (1933) первым делом загонят в лагеря инакомыслие, джаз, авангард, свободу нравов, но это будет только прологом мировой катастрофы.

MOSEER В ТРЕТЬЕМ ПОКОЛЕНИИ

ПАВЕЛ ЛУНГИН О ДЕДОВСКИХ ЧАСАХ

Дед мой, Лев Осипович Лунгин, который умер в год моего рождения, был богатый человек, настоящий, как говорили тогда, нэпман. Хотя он был никакой не лавочник, а архитектор, застройщик с огромной практикой. Работящий, деловой, хваткий, хороший инженер — например, изобрел новую штукатурную смесь для искусственного камня, которая его прославил и обогатила. Как рассказывали родители, он отправлялся на работу в шесть тридцать, когда было еще темно, вечером надевал визитку и держал ложку в Большом театре, в который не ходил никогда. Он воплощал в себе весь дух предпринимательства, который с тех пор, увы, начисто исчез в нашей семье.

Драгоценностей в доме было много, это точно известно, потому что в 1935 году с моим дедом произошла история, в точности похожая на ту, что описана Булгаковым в «Мастере и Маргарите». Однажды его пригласили на Лубянку. Его продержали там несколько дней, и семья готовилась к худшему, но в конце концов он все-таки вернулся домой в сопровождении двух чекистов. С их помощью он собрал все золотые вещи, столовое серебро, деньги в большую наволочку и отвез по известному адресу. И больше его не беспокоили. Считалось, что он отдал все.

И только потом, где-то к концу жизни родителей, я узнал, что нет, не все. После его смерти обнаружили эти маленькие золотые часы, подписанные Ну Moser & Cie. Они сделаны и куплены в России — дед не путешествовал, а то отпутешествовал бы отсюда навсегда.

Я мало что знаю про фирму Генри Мозера, кроме того, что она была основана в середине 1800-х и базировалась в Санкт-Петербурге, а за год до первой мировой стала поставщиком императорского двора. Даже после исчезновения двора она исчезла не сразу — часы Мозера продавали и в советской России, хотя недолго. А наследники Мозера вернулись на родину в швейцарский Шаффхаузен, под бок к IWC.

Я не знаю, почему он сохранил именно эту вещь, с кем или с чем она была для него связана. Я не знаю легенды этих часов, могу только придумать сам. Но даже тех следов, которые позволили Холмсу описать часы старшего брата доктора Ватсона, на них нет. Ни надписей, ни гравировок, ни даже царапин — я думаю, дед был их первым владельцем. В них очень много скромности, изящества, совершенства формы. Механизм на старинный манер: для того чтобы подвести стрелки, надо нажать специальную кнопку, а не выдвигать головку, как в нынешних часах.

Мои родители мне про них не говорили и ими не пользовались. Не носил их мой отец, я хорошо помню его старую «Победу», но никогда не видел его в этих часах, хотя они бы и подошли к его руке. Мама в силу темперамента не носила часов вообще — она сама была повелительницей времени, сжимала и разжимала его, как хотела.

Я думаю, что у них оставался страх, память того времени, когда иметь золотые вещи было опасно и противозаконно. В их истории об исчезновении семейных драгоценностей было и продолжение. В конце 1950-х одна диванная подушечка прорвалась, и в ней обнаружилось несколько тысяч американских долларов — старых, довоенных, больших. И это открытие вместо того, чтобы обрадовать, повергло в ужас. Родители долго совещались и решили доллары сжечь. Жгли в ванной, и купюры не горели, и приходили соседи, боявшиеся, что в доме пожар. Так что я был первым, кто осмелился надеть эти часы после дедушки.

И то я впервые надел их во Франции, потому что только там смог очистить механизм и привести в порядок циферблат. Я отнес их мастеру, которому они понравились с первого взгляда. Увидев их, он заурчал от удовольствия «Я все сделаю», — пообещал он мне и действительно сделал все, что нужно, и ничего лишнего. Деликатно почистил механизм и отреставрировал циферблат. Но приносил я их недолго, потому что они маловаты для мужских часов по нынешним временам и имеют очень короткий завод — всего на сутки. Теперь я ношу Millenary Audemars Piguet, которые получил на шестидесятилетие. А дедовы Ну Moser & Cie лежат в ящике, как и привыкли, пока были тайными часиками нашей семьи.

БЛАГОРОДНОЕ СЕМЕЙСТВО О КЛАССИКЕ В ЧАСАХ — ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

— IWC, Portuguese Hand-Wound

Вот уже второй год подряд стенды марок на SIHH часть площадей отдают под собственные музейные экспозиции. Из архивов и шкафов на свет божий извлекаются бойцы минувших дней, часов и минут. Сегодня их время: и вот в нарядных витринах мерцают старыми боками надутые луковичи и карманные, хвастаются протертыми в сражениях ремешками старые «пилоты» и подводные часы, поигрывают пенсионерскими мускулами древние хронографы, шуряют от света софитов ювелирные штуконины. Если бы речь шла только о вечной классической механике, но никак нет! В этом году в винтажную моду проник даже кварц — в тематической коллекции Laureato от Girard-Perregaux. Но кварц, конечно, исключение, его пустили в фамильные ряды только ради экзотики. В центре внимания по-прежнему благородные седины механических часов различных эпох.

В Girard-Perregaux отметили 150-летие своей главной технической модели марки — турбийона Констан Жира-Перрегэ с тремя золотыми мостами. В витрине рядом с новенькими наручными часами, укомплектованными традиционным усложнением, возлежал на бархате родоначальник жанра, пухлая золотая луковича со створками. Внутри луковичи — почти тот же калибр, чуть больше в размере. Мануфактура Girard-Perregaux также продолжила начатую в прошлом году линию «1966», в которую теперь входят хронограф, календарь и часы с датой. Вся продукция аккуратно расфасована по лимитированным сериям по 199 экземпляров в каждой. Кроме корпуса из розового золота будут выпущены часы «1966» с корпусами из платины и палладия.

По одной новой винтажной модели есть у каждой марки. У Cartier — это небольшие, джентльменского толка часы Jumping Hour с жемчужно-серебристым циферблатом (дизайн этих часов скопирован с модели 1929 года). Jaeger-LeCoultre переиздал, во-первых, наручные часы Memovox и, во-вторых, гениальные настольные Atmos 1930 года (это Atmos Reedition). Компания IWC в рамках расширенной коллекции Portuguese показала возвышенную и немного суровую модель Portuguese Hand-Wound, и это переиздание часов 1939 года. Panerai, планомерно развивающее семейство Luminor 1950, похоже, удовлетворили запросы своих многочисленных коллекционеров. Им предназначается боевитая новинка Special Vintage — точная копия Radiomir 1943 года (Marina Militare, с которой погружались в пучины итальянские военные подводники).

— Dunhill, Classic

— Panerai, Radiomir Marina Militare

— Montblanc, Vintage

— Girard-Perregaux, 1966 Full Calendar Palladium

— Baume & Mercier, Classima Executives Open Balance Power Reserve

В Piaget отметили 50-летие ультратонкого калибра 12P — моделями Altiplano, сохранившими простые ДНК первых Altiplano. Марка Baume & Mercier не только пополнила историческое собрание William Baume, но и сделала образ часов из коллекции Classima более винтажным. Дом Vacheron Constantin сыграл на привычной ультраплоской лире, и вот результат — маленькая серенада из двух винтажных моделей 1955 и 1968 года.

Англичане из Dunhill представили две коллекции классических часов — в круглом и прямоугольном исполнении корпусов. Механизмы купили в Jaeger-LeCoultre, поэтому сомневаться в точности Dunhill Classic не приходится. И даже неопит часового рынка дом Montblanc сумел ответить коллегам по цеху. Сегодня в свежем ассортименте Villeret Collection de Montblanc есть хронограф, скопированный с модели 1930 года мануфактуры Minerva, принадлежащей Montblanc. Отличительной особенностью этих часов является спираль тахометра, расположенная в самом центре циферблата. Красивый рисунок носит эстетический, а не функциональный, как раньше, характер.

— Girard-Perregaux, Tourbillon with Three Gold Bridges 2010 года и Tourbillon with Three Gold Bridges Historic Pocket Watch 1860 года

ЧЁРНЫЙ КОД О ТЁМНОЙ СТОРОНЕ ЧАСОВ — АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

__Audemars Piguet,
Millenary Carbon One
Tourbillon Chronograph

Чёрный цвет уверенно остается в моде, несмотря на то что все больше и больше появляется цветных циферблатов. Ведь что может быть лучше для красного или желтого, чем благородная оправка из черного. Уже не первый год часовщики располагают для черного цвета множеством новых технических решений. Тут и чернение PVD, и алмазное напыление DLC, и, конечно же, керамика и карбоновый пластик. С карбоном уверенно работает мануфактура Audemars Piguet. Причем в 2010-м на смену брутальным Royal Oak Offshore, сделанным как будто специально для экстремальных нагрузок и, если верить рекламе, способных заменить в открытом море лопнувший трос, пришла одна из самых «штатских» и изящных линий Audemars Piguet — Millenary. В сочетании с открытым циферблатом Millenary Carbon One Tourbillon Chronograph грубый черный карбон проявил свои лучшие качества. Сверхтонким часам Piaget Altiplano с «черным лицом» цвет вдвое добавил торжественности и сделал их особенно заметными на руке. Черный цвет вообще способен осуществлять с часами удивительные превращения.

__IWC, Da Vinci
Chronograph Ceramic

__Piaget, Limelight
Party Jazz Tourbillon
Relatif

__Piaget,
Altiplano

__Baume & Mercier,
Classima Executive
Chronograph

__Panerai, Luminor
1950 Ceramica

__Cartier, Calibre de
Cartier Chronograph

__IWC, Portuguese
Tourbillon Hand-Wound

Изначально тонкие парадные часы он делает спортивными, не лишая их изящества. Лучший пример этого года — Classima Executive Chronograph, которые Baume & Mercier представила в своей сверхкрупной серии XXL. А вот спортивные Panerai Luminor 1950 Ceramica благодаря черному керамическому корпусу и черному циферблату вполне могут стать классическими вечерними часами.

Черный — один из старинных «часовых» цветов, и потому он особенно хорош в часах «винтажного» оттенка — вроде черных круглых IWC Portuguese Tourbillon Hand-Wound или IWC Da Vinci Chronograph Ceramic в стилизованном корпусе «бочонок». Конечно же, не зря Cartier использовали черный цвет для хронографа в новой серии Calibre — им особенно важно подчеркнуть исторические корни своих новых мануфактурных часов. И даже сверхавангардные часовые машины MB&F, наряженные в черное известным часовым архитектором Аланом Зильберштайном, выглядят в своих Black Box почти традиционно.

__MB&F, Horological
Machine 2, Black Box

— Vacheron Constantin,
Historiques Ultra-fine
1968 и 1955

— Cartier, Rotonde
de Cartier Tourbillon
Skeleton

— Piaget, Altiplano
Skeleton

— Baume & Mercier,
Classima Executives Ultra
Thin

— Piaget, Altiplano

ТОНКИЕ МАТЕРИИ О ЧАСАХ EXTRA-PLATE — ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

Ультратонкие часы — это удивительное усложнение. Ведь как выглядит типовое усложнение? Турбийон видно всегда: золотое, «дышащее» колесико, расположенное, как правило, на «6 часах». Хорошо видны «астрономы»: вот здесь — звездное небо, а тут — фазы Луны. Хронограф тоже заметен: три кнопки справа, три маленьких циферблата на одном большом. Да и минутный репетир можно опознать — по специальному рычажку сбоку, приводящему в движение музыкальные молоточки. А вот ультратонкие часы заметны не сразу: нужно еще приглядеться, чтобы увидеть, насколько плотно прилегает корпус к запястью. Толщина его — чуть больше, чем у монеты. По большому счету, как любая сложность, ультратонкие часы — вне моды. На разработку и создание их калибров уходит много времени. Однако в этом году часы extra-plate оказались в линейках у многих марок. Одна из важных причин их популярности — мода на винтаж, юбилейные часы и реплики. Золотое время extra-plate — это 1950–1960-е годы, то есть хорошие с точки зрения мемориального улова десятилетия. Старейший генерал женевского часового фронта Vacheron Constantin выступил вперед с классической винтажной коллекцией Historique Ultra-Fine 1955 et 1968. Всего две модели: в круглом, из желтого золота корпусе скопированы с часов 1955 года, а квадратные — реплика 1968 года. В первых стоит круглый калибр, за номером 1003 (такой же использован и в новых «японских» часах марки — Metier d'Art, La Symbolique des Laques). Во вторых часах — калибр квадратный, под номером 1120. Толщина обоих калибров составляет 1,64 мм. Диаметр корпуса — 36 мм, толщина — 4,1 мм. Все как в аптеке: когда создаются ультратонкие часы, важна каждая доля миллиметра. Для Vacheron Constantin extra-plate — почти вековая специализация. Рядом с новоиспеченными плоскими часами Vacheron Constantin выставил и исторические модели. Например, кар-

манные мужские часы 1927 года с корпусом-скелетоном и более формальный карманный 1931-го. На стенде марки в павильонах SIHH присутствовали и «родители» — ультратонкие часы 1955 и 1968 годов. Можно было сравнить дизайн новых и старых «монет». Впрочем, посетители часто путали их: дизайн почти не изменился. Что и понятно, ультратонкие часы могут меняться только в одну сторону — в сторону уплощения.

Еще один исторический знаток «худых» часов — дом Piaget также показал ультратонкую коллекцию. В этом году в Piaget празднуют 50-летие калибра 12P, наследника первого плоского калибра марки 9P, показанного в 1957-м. 50-летие первопроходца 9P, чья толщина не превышала 2 мм, мануфактура отмечала в 2007-м в Венеции специальной коллекцией Altiplano, в которую вошли восхитительные золотые «квадратные» карманные, укомплектованные сверхтонкими «внуками» и «правнуками» 9P. И вот новая мемориальная серия, в которую вошли круглые часы Altiplano с калибром 1208P. Толщина калибра составляет 2,35 мм, толщина самого корпуса — 5,25 мм. «Ушки» специальной, запатентованной конструкции позволяют корпусу часов, диаметр которого 43 мм, более плотно прилегать к запястью руки. Как и плоские часы Vacheron Constantin, Altiplano Piaget чарующе просты. Золотой корпус, посеребренный циферблат, «окошко» для секундной стрелки. Ничего лишнего не требуется, когда речь идет о сверхтонких часах, сделать которые, как считают сами часовщики, бывает куда более сложно, чем турбийон.

— Piaget, Altiplano

ВОСТОЧНЫЕ СЛАДОСТИ ОРИЕНТАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОТМЕЧАЕТ ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

___ Van Cleef & Arpels,
Midnight Japanese
Lacquer

Восток, как известно, дело тонкое: часовщики и ювелиры имеют право повторить эту мудрость едва ли не с большим правом, чем дипломаты. Ориентальные экзерсисы, с одной стороны, востребованы самими азиатскими рынками, честно, мощно и бесперебойно впитывающими европейскую роскошь. С другой стороны, ориентализм — это также и определенный сорт художественного вдохновения, к которому прибегают парижские ювелиры и швейцарские часовщики. Направлений для работы два — китайское и японское, которые с восточной учтивостью сменяют друг друга. В этом году в центре внимания оказалась Япония. Артистическая линия Vacheron Constantin Metiers d'Art, в которой появляются художественные коллекции, обращает внимание на национальные техники лака. Линия La Symbolique des Laques создана женеvскими часовщиками совместно со старейшей японской компанией Zohiko, основанной в Киото в 1661 году и являющейся сегодня поставщиком императорского двора. Проект, стартовавший еще в 2007-м, рассчитан на три года: каждый год La Symbolique des Laques будет пополняться тремя новыми моделями, собранными в единый сет (то есть приобрести одни часы из сета невозможно). От женеvских мастеров — ультратонкий калибр 1003, корпус (частичный скелетон) из белого и розового золота. От мастеров

___ Van Cleef & Arpels,
Midnight Japanese
Lacquer

___ Jaeger-LeCoultre,
Master Grand Tourbillon
Continents Asia

___ Cartier d'Art

___ Vacheron Constantin,
La Symbolique des
Laques

___ Cartier d'Art

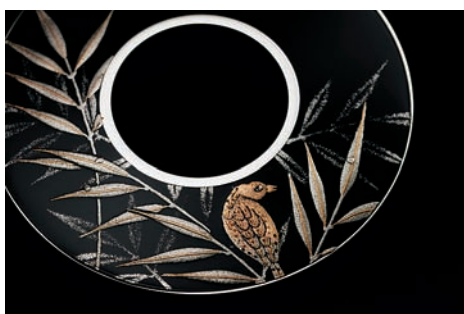

___ Cartier d'Art

японских — лаковая техника maki-e. Рецепт maki-e таков: на еще не остывший верхний слой лака насыпается пудра из драгоценного металла, которая с помощью тончайшей кисточки образует рисунок. Первыми героями первой серии La Symbolique des Laques стали три дерева (сосна, слива и бамбук) и три птицы (журавль, соловей и воробей).

Японскую тему по-своему развивают в Van Cleef & Arpels. В настоящей момент часовое производство великого ювелирного дома с Вандомской площади разделено по трем направлениям — рейсталинг «вечной» классики, «поэтические усложнения» (Poetic Complications) и оригинальные циферблаты. Японская тема получила отражение в последнем направлении — Extraordinary dials. Итак, в линию Midnight теперь входят две модели Japanese Lacquer с разноцветными «пейзажными» циферблатами. Разница с японскими часами Vacheron Constantin существенная. La Symbolique des Laques — это часы, где важна плоскость, поверхность, и именно за счет поразительной плоскости достигается желанный художественный эффект. Japanese Lacquer — это часы, в которых, напротив, необходим эффект выпуклости, многоуровневости циферблата.

У Cartier традиционные ориентальные упражнения «упакованы» в специальные линии — Cirque Animalier и Cartier d'Art. В 2010 году они пополнились ювелирными часами с изображениями черепахи, панды, тигра и слона. По-своему отдали дань Азии и часовщики Jaeger-LeCoultre: на циферблате Master Grand Tourbillon Continents Asia можно увидеть эмалевую карту континента и турбийон — прямо на Японских островах.

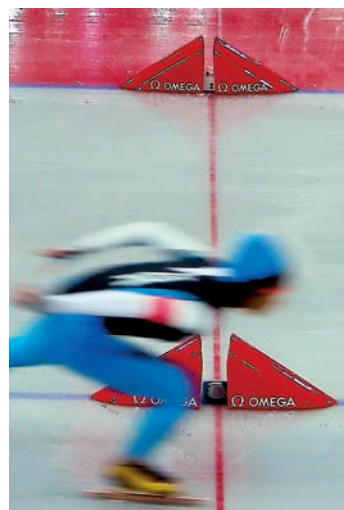

___ Японская техника maki-e:
на лак наносится золотая пудра,
которая с помощью тонкой кисточки превращается в рисунок

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ КОМАНДУ OMEGA НА ЗИМНЮЮ ОЛИМПИАДУ ПРОВОЖАЕТ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Ванкувер принимает зимние Олимпийские игры 2010 года

Старт и финиш проходят по часам

Завтра стартуют Игры зимней Олимпиады в Ванкувере. И кроме спортсменов на них будут соревноваться часовщики.

Могу себе представить, сколько весит время. С каждым годом и с каждой Олимпиадой — все больше и больше. В 1932 году на первые Игры, в которых Omega вела официальные измерения, инженер-часовщик привез 30 карманных хронометров в чемоданчике. И путь от Бьенна до Лос-Анджелеса занимал недели.

Теперь чемоданчиком не отделаешься. Я помню, с каким изумлением стоял под трибунами Национального стадиона в Пекине и смотрел на штабеля ящиков с надписью Swiss Time. Нынешнее оборудование для таймкипинга напоминает арсенал дивизии быстрого реагирования, перебрасываемой самолетами в любую точку земного шара. «В Канаде более 200 хронометристов и специалистов по обработке данных будут отвечать за приблизительно 250 тонн оборудования и многокилометровые кабельные линии», — говорит Стивен Уркхарт, президент компании Omega. Контракт с Олимпийским комитетом действует до 2020 года, и это очень важно, потому что работа таймкиперов начинается задолго до Олимпиады и многие элементы оборудования устанавливаются еще во время строительства спортивных сооружений.

Со времен Лос-Анджелеса таймкиперы Omega совершенствовали свое оборудование, порой выводя точность измерения за все границы здравого смысла. С 1948-го они установили фотоэлементы на финишной черте, а с 1952-го — ввели в обращение электронный фотофиниш. В 1968 году на зимней Олимпиаде в Гренобле данные таймкиперов стали доступны не только судьям, но и телевизионной публике. И если в 1932 году хронометры считали скорость до секунды — сейчас считают до тысячных и готовы считать и точнее. У судей появилось гораздо меньше прав на ошибку, и в определенный момент они взяли реванш, ограничив точность измерения. Это произошло в 1972-м, когда на 400-метровой дистанции пловцы Тим Маккей и швед Гуннар Ларссон пришли в ноздря в ноздрю: оба показали результат 4 минуты 31,98 секунды. При пересчете обнаружили, что Ларссон приплыл на 3 тысячных секунды быстрее. Он был объявлен победителем, но именно тогда судьи решили, что швейцарские часовщики слишком много знают. Точность измерения с тех пор ограничили сотыми долями секунды, и теперь таймкиперы с олимпийским спокойствием наблюдают награждение сразу двух спортсменов, пришедших с видимым одинаковым результатом, хотя точно знают единственного победителя.

Специалисты Omega соревнуются сами с собой. Они начали снабжать спортсменов специальными датчиками, которые отмечаются на расстав-

ленных вдоль трассы антеннах, показывая не только конечные этапы, но их прохождение и ориентировочные результаты. Они стараются, чтобы данные немедленно поступали к зрителям. Когда-то их машины вроде Racened Omega Timer требовали времени на проявку пленки и число допущенных к показаниям счетчика было строго ограничено. Теперь результаты мгновенно доступны всем — уже с 1961 года благодаря системе Omegascore их транслируют на телеэкраны. В течение секунд таймкиперы «Омеги» изготавливают диаграммы финиша для проекции на главные табло. Это не фотография в привычном смысле. Картинка разложена и сложена обратно в схему, в которой расстояние между финишировавшими бегунами изображает время. Они могут отследить все: движение лыжников на дистанции (Universal Tracking System, основанная на данных GPS), скорость фигуристов и число касаний шайбы.

И на каждых Олимпийских играх инженеры Swiss Time тестируют новое оборудование. В Ванкувере горнолыжники будут стартовать через новые ворота Snowgate. В фигурном катании судьи станут вести счет с новой системой Omega Timing. Но эти новшества останутся за телевизионным кадром. А вот перемену на старте увидят все: в этом году Omega разоружила судей, издавна пользовавшихся для старта классическим револьвером. Он заменен странным устройством, напоминающим джойстик компьютерной игры. Звук выстрела имитируется, вспышка — тоже, добавлена функция фальстарта. Старого доброго револьвера искренне жаль — хорошо хоть часы новой олимпийской серии Omega Seamaster Diver 300 M в лучшем смысле слова традиционны.

Новый стартовый пистолет Omega потерял историческую связь со старым добрым судейским оружием

Часы Omega Seamaster Diver 300 M выпущены в честь Олимпиады в Ванкувере. Лимитированная серия из 2010 пронумерованных моделей

ПЕРЕХОДЯЩИЙ КУБОК HUBLOT ПОДДЕРЖИТ ALINGHI НА AMERICA'S CUP РАССКАЗЫВАЕТ ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

Hublot
King Power Alinghi

17 января в «закрытый клуб» America's Cup в очередной раз стремительно ворвался часовщик и харизматик Жан-Клод Бивер. Подведомственная ему марка Hublot теперь имеет в своей линейке модель King Power Alinghi, созданную для челленджера швейцарского миллионера Эрнесто Бертарелли. Победитель 31-го America's Cup, проходившего в Новой Зеландии, и триумфатор 32-го America's Cup, состоявшегося у берегов Валенсии, челленджер Alinghi раньше доверял время другой швейцарской часовой марке. Попутный ветер в паруса лодки Эрнесто Бертарелли ловил дом Audemars Piguet, создававший специальные модели для Alinghi в рамках коллекции Royal Oak Offshore (всего в период с 2000 по 2007 год было создано семь специальных моделей).

Каждый часовой дом может гордиться тем, что выпускает часы для культовой регаты. America's Cup, старейшее водное соревнование благородных миллионеров (на обслуживание челленджера и команды в сезон уходит порядка \$200 млн), — это заветная мечта производителей luxury-goods. Например, могущественный дом Louis Vuitton проводил в рамках America's Cup свои собственные титульные турниры (Louis Vuitton Trophy) и в связи с этим выпускал различные коллекции обуви и сумок. Часы для челленджеров делали и в Girard-Perregaux — для конкурента швейцарской Alinghi американской яхты BMW Oracle («мужской» хронограф Laureato USA с функцией fly-back, а также женские часы из стали с бриллиантами). Компания TAG Heuer поддерживала China Team — тематическим хронографом Aquagaser из стали с черно-красной отделкой циферблата и выгравированным на задней крышке китайским драконом. Марка Omega не стояла одиноко на берегу, а помогала Emirates Team New Zealand. Морякам этой команды предназначалась стальная хронограф Seamaster NZL32 с функцией хронометра, водонепроницаемостью до 150 метров, автоподзадом и запасом хода в 44 часа.

Стоит отметить, что для Hublot контракт с Alinghi уже не первый в рамках America's Cup. Жан-Клод Бивер, руководитель Hublot, раньше активно под-

держивал команду другого миллионера — итальянца Патрицио Бертелли, главы Prada Group (челленджер Бертелли назывался Luna Rossa). Так, в 2007 году на Базельской часовой выставке господин Бивер лично представлял «водоплавающую» модель Big Bang Luna Rossa — с корпусом из титана и черной керамики, с циферблатом из карбона, на каучуковом ремешке. На циферблате часов можно было увидеть красную метку Luna Rossa, напоминавшую фирменную бирку линии Prada Sport. Лимитированная серия часов в 1 тыс. экземпляров разошлась довольно быстро.

Новая работа Бивера и его команды — это Hublot King Power Alinghi, хронограф, созданный в типичной для марки стилистике. 48-миллиметровый корпус сделан из керамики и композитных материалов с применением покрытия PVD. Циферблат представляет собой довольно сложную картину, «сложенную» из черных матовых счетчиков, черных никелевых индексов и логотипа Alinghi на «9 часах». Калибр Hublot HUB4400 представляет собой скелетон с автоподзадом и карбоновыми мостами (для более драматического «пейзажа» покрытие PVD подверглось и сам механизм). Водонепроницаемость — до 100 метров, запас хода — 42 часа. Лимитированная серия в 333 экземпляра.

В эти дни челленджер Alinghi храбро отстаивает свой титул победителя у берегов Валенсии, но вне зависимости от исхода схватки участие мануфактуры господина Бивера в America's Cup будет продолжено. У Жана-Клода Бивера — большие планы не только на один челленджер, но и на всю гонку. Его Hublot не только поддерживает Alinghi, но и на правах официального хронометриста считает время всего чемпионата.

Капитан Hublot
Жан-Клод Бивер
к America's Cup готов

ХРОНОМЕТРЫ В «ЗОНЕ СМЕРТИ» JAEGER-LECOULTRE НА ПИКЕ РАССКАЗЫВАЕТ РИТА РУСАКОВА

Jaeger-LeCoultre
Master Compressor
Extreme Lab 2

стефан шаффтер снежный человек

Монблан 8 августа 1786 года началась история нового спорта, отчаянного и смертельно опасного. Первые альпинисты — врач Мишель-Габриель Паккар и горный проводник Жак Бальма — уцелели и даже удостоились памятного знака в Шамони. Не так повезло многим из их последователей. Да, на Эверест уже ходят экспедиции, чтобы собирать накопившийся мусор, но все равно среди людей, восходивших на эту самую высокую гору мира, на одного альпиниста, достигшего вершины, приходится один, нашедший на горе свою смерть. Шаффтер никогда не боялся этой статистики. С высотой нельзя шутить, конечно, не зря высочайшие горные вершины лежат в так называемой «зоне смерти». Недостаток кислорода, пронизывающий ветер, снег, летящий со всех сторон или, наоборот, лежащий в засаде, чтобы смести альпиниста со склона, отвесные ледовые стены, падающие камни. И даже при самой хорошей для гор погоде — свирепое солнце, космический перепад температур и недостаток кислорода. Отличное место для часовых испытаний.

Экспедиция Стефана Шаффтера включала еще двух человек. Первый — его давний друг и помощник, пакистанец по имени Малыш Карим. Кариму Балти — 53 года, он рожден в горной деревушке на высоте 3200 м в Каракоруме, где стоит вторая по высоте в мире вершина по имени K2. Именно при восхождении на нее Карим Балти познакомился с Шаффтером, который стал первым человеком, поднявшимся туда без кислородного снаряжения. Второй — великий покоритель Эвереста непалец Апа Шерпа, который 19 раз, больше, чем кто-либо в мире, поднимался на главную вершину Земли. «Этим людям я мог доверить свою жизнь. Хотя мы из разных стран, не всегда понимающих друг друга, мне было важно, что в горах — мы все вместе и можем положиться друг на друга», — говорит Стефан Шаффтер.

В таких путешествиях почти все зависит от людей. Но многое и от снаряжения. Jaeger-LeCoultre не только финансировал экспедицию, но и снабдил восходителей своими часами. На руках у двух альпинистов были новейшие создания мастеров мануфактуры из Вилле-де-Жу — Master Compressor Extreme Lab первой и второй модели, революционные часы из космических материалов, не требующих регулировки и смазки. Зато третьим номером, вероятно, чтобы напомнить о 176-летней истории Jaeger-LeCoultre, шел Chronometre Geophysic, фантастической точности модель 1958 года. В горах нет сервисных центров, и в экстремальных ситуациях от точности измерения времени прямо зависит жизнь человека. Часы выдержали подъем не хуже людей. А вершина, до сих пор имевшая только порядковый номер на картах, получила имя Антуана Лекультра — в честь основателя швейцарской мануфактуры, знаменитого инженера, считавшего, что надо подниматься в своей профессии как можно выше. Желательно — выше всех.

Мы помним, как команда Jaeger-LeCoultre отправилась топить дайверские часы на траверзе Гавайских островов. Надо было убедиться, что часы выдерживают заявленные глубины в 1000 м, не в заводской лаборатории, а в реальном Тихом океане. Давление, может быть, и то же, а эффект совсем иной. На сей раз Jaeger-LeCoultre решил подвергнуть свои часы испытанию высотой. И не просто высотой, а экстремальными условиями альпинистского подъема на не освоенную еще человеком вершину — на уровень 6589 м. Нет сейчас места на земном шаре, куда бы ты не мог добраться с билетом первого класса, будь то пустыни Африки, ледяные плато Антарктиды или джунгли Индокитая. Есть еще за границей контора Кука! Но попасть на вершины гор без смертельных усилий не представляется возможным, что в XVII веке, что в XXI. На неприступных пиках главных мировых горных цепей остались места, где не было человека и не будет. Пока туда не взберется очередной безумец.

К таким вдохновенным безумцам относится швейцарский горный проводник Стефан Шаффтер. Это человек с несмываемым горным загаром, который на торжественные ужины приходит в клетчатой ковбойке и чуть ли не с альпенштоком за спиной. Ему 57, и он находится, по собственным словам, в лучшей спортивной форме, чем 40 лет назад, когда он впервые покорил одну из самых труднодоступных альпийских вершин.

Стефан Шаффтер хорошо помнит, что появился на свет на родине альпинизма. Это здесь в Альпах с подъема на главную горную вершину Европы

57-летний швейцарский альпинист вот уже 30 лет живет в Женеве. Он начал заниматься восхождениями с ранней юности — в возрасте 16 лет покорил легендарное «ребро Бонатти» пика Пти-Дрю в горном массиве Монблан. Один из известнейших горных проводников мира, он поднимался на вершины Альп, Гималаев, Кордильер, Каракорума, Анд. Стефан Шаффтер не только известный спортсмен и кинорежиссер, автор нескольких фильмов о высокогорных экспедициях, но и любитель часов. В 2002 году он уже участвовал в экспедиции Geneva-Everest 1952-2002, спонсированной Rolex.

Jaeger-LeCoultre
1958 Geophysic
Chronometer

ГЕРМАНСКОЕ ЗОЛОТО 165 ЛЕТ A. LANGE & SOHNE ПОЗДРАВЛЯЕТ АЛЕКСЕЙ КУТКОВОЙ

Родина A. Lange & Sohne — деревня Гласхютте, что под Дрезденом. Фердинанд Адольф Ланге выучил на часовщиков местных рудокопов

Германская часовая компания A. Lange & Sohne отпраздновала на SIHH 165-летие основания Фердинандом Адольфом Ланге часовой индустрии в Гласхютте. И сделала это с удивительной изобретательностью. Она не только выпустила юбилейную коллекцию «165 Years — Homage to F.A. Lange», но и решила найти что-то новое в традиционной области сплавов золота, где, казалось бы, все уже давно известно.

Все, кто носит часы с корпусом из 18-каратного золота (это наиболее распространенный сейчас вариант золотого сплава), замечают, что корпус довольно быстро покрывается царапинами и следами от случайных ударов, — все это происходит довольно быстро, даже если с часов сдвигать пылинки. Все ставшие уже привычными для нас сорта 18-каратного золота — белое, желтое и розовое — довольно мягкие. «Ланге» удалось кардинально улучшить положение дел, создав новый фирменный ланговский сплав золота.

В описании «Ланге» — «золото медового оттенка» — это звучит скорее как дизайнерское достижение, хотя на самом деле тут гораздо больше технологии, чем представляется на первый взгляд. В состав сплава входят золото (естественно, три четверти), медь, цинк, марганец и кремний; точные пропорции не разглашаются. По поводу наличия кремния в новом сплаве золота технический директор Lange Тино Бобе пошутил: «Это первое использование кремния в часах Lange». По-видимому, именно благодаря наличию кремния фирменный ланговский сплав золота проявляет несвойственную другим типам 18-каратного золота твердость. По твердости оно превосходит даже платину. Зато его гораздо труднее обрабатывать, чем обычные сплавы золота. По признанию Тино Бобе, настоящей головной болью стала гравировка «избранных» мостов механизма юбилейной серии, что также изготовлены из этого сплава золота. Зато какой это великолепный подарок для ценителей часового искусства «Ланге»!

В коллекцию «165 Years — Homage to F.A. Lange» вошли три модели — Tourbograph «Pour le Merite» (ограниченная серия из 50 экземпляров), Lange 1 Tourbillon (150 экземпляров) и «1815» Moonphase (265 экземпляров). Tourbograph «Pour le Merite» — это новый вариант самых сложных часов в современной коллекции «Ланге» (турбийон, цепная передача с фузеей и сплит-хронограф), что были представлены в 2005 году. Последние экземпляры из той первой серии «Турбографа» (51 экземпляр в платиновом корпусе) были лишь недавно поставлены клиентам, так что в «Ланге» обеспечивают непрерывность процесса производства этой сверхсложной модели: в этом деле легко потерять навыки.

Во второй модели юбилейной коллекции Lange 1 Tourbillon использован модифицированный механизм — теперь в нем применена конструкция остановки ротора турбийона и, соответственно, секундной стрелки, что была разработана в «Ланге» для часов Cabaret Tourbillon. А функциональные характеристики механизма третьей юбилейной модели «1815» Moonphase оставлены без изменений — они и без того великолепны. В этих часах применена, пожалуй, одна из наиболее точных конструкций указателя фазы Луны, которая обеспечивает накопление расхождения с астрономическим лунным циклом на одни сутки за более чем тысячу лет. Вряд ли стоит желать лучшего.

Помимо использования фирменного сплава золота у всех часов юбилейной коллекции «165 Years — Homage to F.A. Lange» есть и другие общие «семейные» признаки. Прежде всего это золотые гильошированные и посеребренные циферблаты — гильоше используется «Ланге» чрезвычайно редко, а также сапфировые стекла с просветляющим покрытием. Это хорошая идея — ставить стекла с просветляющим покрытием на оборотной стороне корпуса, тем самым максимально открывая для взгляда одни из наиболее красивых часовых механизмов современности — ланговские Калибры.

— Tourbograph «Pour le Merite», Lange 1 Tourbillon, «1815» Moonphase — три механических чуда современной мануфактуры A. Lange & Sohne, созданные из «медового» золота в память об отце-основателе Фердинанде Адольфе Ланге

БРИЛЛИАНТОВАЯ ГОДОВЩИНА 150 ЛЕТ CHOPARD ОТМЕЧАЕТ ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

—Реклама первых украшений **Golden Diamonds**, чья премьера состоялась в Версале в сентябре 2002 года

—Число счастливых бриллиантов, **Happy Diamonds**, всегда должно быть нечетным

Chopard — это семейная компания, принадлежащая клану Шойфеле родом из немецкого города ювелиров Пфорцхайма. Карл Шойфеле приобрел мануфактуру в 1963 году у внука основателя марки Поля-Андре Шопара. Такой семейный тип правления, довольно редкий ныне, когда старые марки являются собственностью больших финансовых корпораций, обеспечивает фирме Chopard особое положение среди часовщиков и ювелиров. Дело в том, что все производство Chopard разделено на две равноценные части — сложные механические часы и драгоценности, и обеим частям уделяется одинаковое внимание. Так, сын Карла Шойфеле Карл-Фридрих в должности вице-президента несет ответственность за более старое, изначальное направление деятельности Chopard. Под его руководством в деревне Флерье на отлично оснащенной мануфактуре производятся механические мужские часы линии L.U.C., имеющие патенты и усложнения. В то же время дочь Карла Шойфеле и родная сестра Карла-Фридриха прелестная Каролина царит на «старой жилплощади» — на мануфактуре в предместье Женевы Мейрине. Эта ювелирная мануфактура была построена в 1975 году, всего за год до появления самой знаменитой ювелирной коллекции марки Happy Diamonds.

Сегодня в Мейрине кипит работа над грандиозной юбилейной ювелирной коллекцией Chopard High Jewelry, главными темами которой станут флора и фауна. Большая часть украшений (кольца, серьги, колье, браслеты, броши) сделана по рецептам миниатюрной ювелирной скульптуры, это настоящий экзамен для любого ювелирного дома. В праздничном году

—Эскиз каннской коллекции **Chopard Red Carpet**. Разработкой линии класса high jewelry, представляемой ежегодно в рамках Каннского кинофестиваля, занимается лично вице-президент Chopard Каролина Шойфеле

в Chopard решили отказаться от привычных упражнений на тему Happy Diamonds, гламурной концепции «подвижных», «плавающих» бриллиантов, принесшей марки всемирную известность и множество ювелирных наград. И в этом шаге есть и своя закономерность: коллекция Happy Diamonds за 34 года своего существования разрослась до огромного, почти самостоятельного семейства украшений и часов, имеющих приставку happy (Happy Sport, Happy Beach, Happy Snowflakes, Happy Amore, Happy Hearts, Happy Valentine, Happy Spirit). Юбилейная коллекция Chopard будет представлена в конце марта на выставке в Базеле, а в большой свет драгоценности выйдут только в мае, в Канне: публика сможет увидеть их на звездах 63-го Каннского кинофестиваля. С главным кинофорумом Европы дом Chopard связывают более близкие отношения, чем банальное предоставление красивым и талантливым героиням красной ковровой дорожки «бриллиантов на выход». С 1998 года Chopard делает главный приз фестиваля — Золотую пальмовую ветвь. Два года назад, в честь 60-летия кинофорума, Chopard запустил и новую ювелирную линию класса high jewelry — Red Carpet. Кроме того, Chopard в рамках Каннского кинофестиваля с 2001 года вручает и собственный приз — Trophée. Его получают из рук Каролины Шойфеле молодые талантливые актеры и актрисы. Пока в Мейрине, не поднимая головы, ювелиры занимаются большими и малыми бриллиантами, в деревне Флерье, что в двух часах путешествия на машине от Женевы, активно трудятся часовщики. Центральная часовая коллекция называется L.U.C — это аббревиатура имени основателя марки Люка-Улисса Шопара (кроме этой линии есть и спортивная коллекция Mille Miglia, названная в честь ралли классических автомобилей, спонсором которого с 1988 года является Chopard). Исторической мануфактурой во Флерье управляет Карл-Фридрих Шойфеле, часовщик, гонщик и винодел. Первые часы L.U.C появились в 1996 году, и сегодня в коллекции присутствуют модели различной степени сложности — с турбийонами, астрономическими функциями, хронографы и хронометры. Все часы укомплектованы калибрами, разработанными и сделанными во Флерье (кстати, «механические» традиции и опыт Chopard очень значительны; с 1912 года клиентом мануфактуры являлся сам Николай II). Chopard занимается и благотворительностью: дом поддерживает Фонд Хосе Каррераса по борьбе с лейкемией, а также участвует в работе Фонда Элтона Джона против СПИДа.

—Первые часы **Happy Diamonds** 1976 года были моделями унисекс. На ремешке из сатины их могли носить мужчины, а на кожаном — женщины. И, конечно, наоборот

БРЕГЕТОВЫЙ ПЕРЕЗВОН О BREGUET В РОССИИ — ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

— Александр I —
клиент Breguet с 1808
года

— Магазины Breguet
в Екатеринбурге
и Москве

— Николас Хайек
открывает выставку
Breguet в Эрмитаже,
2004

— Плоские карманные часы,
проданные в 1823 году князю
Щербатову за 2400 франков

К 300-летию Санкт-Петербурга фирма Breguet выпустила 300 часов, посвященных юбилею. Это были мужские наручные часы с корпусом из белого золота, циферблатом, гильошированным вручную, четырехдневным запасом хода, автоподзаводом и индивидуальным номером. Словом, классический «ампирный брегет», самые известные и «литературные» часы мира. На задней крышке юбилейных часов располагался выгравированный портрет Петра I. Первый русский император золотых часов работы Абрахама-Луи Бреге, конечно, не носил. За него это сделали его потомки, и первым коронованным русским клиентом Breguet стал правнук Петра — Александр I.

В 1808 году император удостоил аудиенцией уже знаменитого часовщика (кстати, магазин Breguet к тому моменту четыре года успешно работал в столице). В 1809-м Александр I приобрел у Бреге целую партию часов, включая легендарные ныне *Sympathique* и модели с шагомером. За технические заслуги русский царь даже присвоил парижскому мастеру (уроженец швейцарского кантона Нешатель, Бреге с 1785 года жил и работал во французской столице) официальное звание поставщика русского флота. Часовому пристрастию императора (которое, скорее всего, было порождено благодаря аналогичному пристрастию именно к этим часам кумира русского царя — Наполеона Бонапарта) последовали, как это обычно и бывает, видные аристократические семьи. К началу 1810-х годов среди

— Миниатюрные карманные
часы, проданные в 1832 году
князю Демидову за 4200 франков

— Морской хронометр, продан-
ный в 1809 году Александру I
за 14 тыс. франков

— Карманные часы
с четвертным репетиром,
проданные Александру I
в 1811 году за 5 тыс. франков

клиентов Breguet значились Гагарины, Нарышкины, Воронцовы, Юсуповы, Трубецкие, Голицыны, Шуваловы, Оболенские, Куракины, Волконские, а также разбогатевшие на Урале и в Сибири предприниматели — Демидовы и Строгановы. Даже указ от 31 декабря 1810 года, запрещающий ввоз любых французских товаров в Россию, не смог серьезно повлиять на «русские» продажи Breguet. Их просто покупали в Париже.

Сегодня в коллекции Эрмитажа находятся 12 часов Breguet с микрогравировкой, 6 часов марки, принадлежавших семье Юсуповых, и еще 6 из собрания Агафона Фаберже (сын Карла Фаберже выкупил мини-коллекцию у семейств Пашковых и Кочубеев). Все эти экземпляры можно было увидеть в июне 2004 года — на выставке Breguet в Синей спальне Эрмитажа, которую открывал президент марки великий Николас Хайек. Разумеется, артистические «брегеты» — вроде пушкинского, который на время был одолжен поэтом его Онегину, — также являются большой главой русской истории марки. В советское время эта история прервалась: партийная номенклатура (например, товарищ Булганин) всем прочим предпочитала Vacheron Constantin — благодаря так называемой Женевской коллекции 1955 года.

В декабре 2007 года в ГУМе, почти напротив Спасской башни, открылся первый в истории новой России магазин Breguet, где ценитель может пополнить свое собрание часами из коллекций *Classique*, *Grande Classique*, *Complication*, *Grand Complication*, а также женской линии *Reine de Naples*. Ценителей много, и большая их часть сановники и чиновники из высших коридоров власти. Среди видных брегетоносцев — президентская чета Медведевых, Владимир Путин, Юрий Лужков, Михаил Касьянов. Словом, марка в России из самых любимых. Не зря после Нью-Йорка, Парижа, Токио, Лондона, Вены и Москвы очередной бутик марки только что открылся в Екатеринбурге, и не где-нибудь, а на площади Ленина.

В САНЯХ С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ О CARTIER В РОССИИ — ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

__Пьер Картье под
Санкт-Петербургом,
1904

__Диадема
«Кокошник», 1914

__Статуэтка в стиле
Фаберже, 1905–1912

__Ольга Карнович,
супруга великого князя
Павла, будущая княгиня
Палей, одна из главных
русских клиенток Cartier

__Князь Феликс
Юсупов, 1912

25 апреля в Санкт-Петербурге на набережной Мойки, в доме 55, откроется магазин Cartier. Это событие историческое (торжественное открытие бутика состоится в преддверии сезона белых ночей — 22 мая), ведь к собственному бутику в столице бывшей царской России французский дом шел более 100 лет.

Хорошо известно, что русские аристократы и предприниматели всегда были среди важных и любимых клиентов французских ювелирных домов (здесь довольно вспомнить историю князя Анатоля Демидова и дома Chaumet). И Cartier не был исключением: первый клиент из России князь Салтыков появился на пороге магазина на Итальянском бульваре в апреле 1860 года. И, как пишет исследователь истории Cartier Ганс Надельхоффер, приобрел изумрудный браслет.

Довольно скоро изделия Cartier полюбили представители царствующего дома — в частности, одной из самых активных покупательниц была дочь императора Александра II великая княгиня Ольга. Представители дома Cartier начиная с середины 1880-х годов регулярно бывали в России — в основном в Петербурге и его аристократических предместьях. Визиты в Гатчину стали особенно частыми в конце 1890-х, когда в Гатчинском замке обосновалась вдова Александра III императрица Мария Федоровна. А лучшим временем для визитов была последняя неделя перед православным Рождеством, когда все готовились покупать подарки.

В 1904 и 1905 годах один из трех братьев Картье — Пьер — посетил Москву и Санкт-Петербург. С 1907 года регулярные выставки-продажи изделий Cartier проходили в гранд-отеле «Европа», а в Москве для этих целей с 1910-го снимали салоны отеля «Националь». Одним из значительных московских клиентов Cartier был коллекционер Иван Морозов.

Но и русские аристократы, обожавшие путешествовать по Европе, не оставались в долгу: с 1899 года звучные русские «фамилии» регулярно посещали магазин на Rue de la Paix. Покупали больше необычные вещи (предметы для стола, для интерьера), но заказывали и большие драгоценности, часто в русском стиле. 22 апреля 1907 года флагманский магазин Cartier посетил вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая ехала через

Париж в Биарриц — на окончание весенних каникул. Приблизительно в это же время клиентами дома Cartier становится семья премьер-министра Столыпина.

Однако в русской истории Cartier есть и необычные страницы. Cartier, как ни один другой французский ювелирный дом, необычайно внимательно относился к русским ювелирным техникам, которые практиковали ювелиры Фаберже, Хлебников, Овчинников и Болин. Так, еще в 1904 году Луи Картье написал в московскую мастерскую «Яр», которая готовила изделия для дома Овчинникова, письмо с просьбой прислать в магазин на Rue de la Paix «две готовых цветных эмали». Просьба была выполнена — с тех пор мастерская «Яр» поставляла для Cartier сигаретницы, настольные звонки и настольные часы, в которых была использована эмаль. Кроме эмали французских ювелиров также интересовали гильоше (конек марки Фаберже), а также рецептура изготовления небольших статуэток из сибирских подделочных камней. В последнем случае Cartier обращались в мастерскую Карла Форфеля на Обводном канале, где делала свои фирменные статуэтки марка Фаберже. Перегородчатые эмали «брали» у Овчинниковых. Покупали и у «самого» Фаберже: в 1910 году дом Cartier приобрел две фигурки животных — лису из сердолика и поросенка из розового жадеита. История взаимоотношений марок была не всегда безоблачной. В 1910 году 44 пары часов, которые Cartier везли в Петербург, были задержаны на таможене специальным письмом из министерства внутренних дел. Говорили, что задержание было «подстроено» Карлом Фаберже, доверительно сообщившим «куда следует» о том, что драгоценные часы якобы незаконно пересекли границу.

Кокошники, ставшие модными в Европе в начале XIX века, еще одна яркая русская глава в истории Cartier. Французские ювелиры делали кокошники для бельгийской королевы Елизаветы (1912), оперной певицы Лины Кавальери, певшей с Карузо в Париже в 1905 году, а также для Ирины Романовой, вышедшей замуж за князя Феликса Юсупова в феврале 1914 года. В Chaumet изготовили кольца, а в Cartier — кокошник из платины, горного хрусталя и бриллиантов.

__Настольные часы
в русском стиле,
Cartier, 1912

__Наручные часы
в русском стиле,
Cartier, 1909

ЧАСОВОЕ РЫЦАРСТВО НА МАНУФАКТУРЕ DE BETHUNE В Л'ОБЕРСОНЕ ПОБЫВАЛА ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

Если иметь в виду название марки De Bethune, получившей имя французского шевалье и министра финансов при Людовике XV, то часовое производство должно располагаться в охотничьем замке. Благородный шевалье де Бетюн работал именно так: в своем родовом охотничьем замке однажды (так, по крайней мере, считают часовые историки) министр финансов изобрел регулятор хода для напольных и карманных часов. Но отцы-основатели De Bethune (год рождения марки — 2002-й), профессиональный коллекционер Давид Занетта и инженер Денни Флажолле, предпочитают более современное производство.

Мануфактура De Bethune — это два кротких каменных домика на холме, которые расположены в километре друг от друга. Первый, двухэтажный, домик — это офис и техническое бюро, где разрабатываются новые калибры и часы. Второй, трехэтажный, домик — это производственные цеха. Штат De Bethune — 50 человек. Обстановка в обоих домиках крайне идиллическая. Тишина да спокойствие, сразу нельзя даже и предположить, что в такой тишайшей атмосфере выходят в свет громкие инновации, многие из которых могут сойти за небольшую техническую революцию.

«Мы работаем очень медленно. Я вложил много денег в эту марку, и до сих пор я несу только убытки от этого невероятного дела. Но какая здесь может быть прибыль?» — разводит руками Давид Занетта. Откуда берутся эти убытки, мне ясно: все модели De Bethune производятся маленькими тиражами, в работе стоят жутко дорого (один знаменитый сферический циферблат лунных фаз из платины и вороненой стали влетает в копейчку), но увеличивать объем производства — значит, потерять в качестве. А это как-то не по-рыцарски. Тем более что история De Bethune — это не история про коммерцию. Скорее, это история про хобби.

Давид Занетта производит впечатление довольно богатого без всяких таких часов человека. Он с удовольствием повествует о нескольких своих домах в родной северной Италии, о дорогих скоростных машинах, о том, как он любит прокатиться с ветерком, вот и давеча прокатился так, что отобрали права. Очевидно, что часы для него — любимая игрушка, давнишнее увлечение, которое в один прекрасный момент стало работой. Экскурсия по мануфактуре для Занетты подобна прогулке по любимому саду. Саду, где живут его и Денни Флажолле технические изобретения.

Вот он, как садовник, ходит и смотрит: а не пророс ли новый барабан с уменьшенным трением? Не зацвела ли вдруг тройная противоударная

система с распорным титановым мостом? Давно уже обещали заколоситься и барабан с уменьшенным трением, и устройство для регулировки скорости автоматического хода, и плоская зажимная дуга пружины баланса. Не стоит ли поторопить восход «подушечек», специальных поворотных валиков, придуманных для удобства ношения часов на любом запястье? Давид Занетта — это часовщик, медленно и торжественно возделывающий сад механических чудес. Наш современник адекватен эпохе шевалье де Бетюна, вернее, просвещенной эпохе Людовика XV, когда под метафорическим возделыванием садов понималось вовсе не банальное выращивание настурций, а любая творческая и мыслительная деятельность. Главной инновацией De Bethune принято считать уже упоминавшийся сферический циферблат фаз Луны. Над воплощением в жизнь этого миниатюрного астрономического аттракциона на мануфактуре работают два профессионала. Циферблат выглядит как метеоритный шарик, отлитый в несколько приемов. Как правило, сферический циферблат, магически выступающий над поверхностью циферблата обычного, дополняется крошечными золотыми звездами. «Меня привлекает такая вот сентиментальная красота, небо на руке! Нет ничего красивее», — рассказывает этот часовой «садовник». И склоняется над рабочим столом, на столе — россыпь золотых звездочек. Рядом со звездочками — и бриллиантовая россыпь. «Одни из моих любимых часов — вот эти женские, с синей Луной и белыми бриллиантами», — вздыхает Давид Занетта так, как будто и ему не по силам купить эту штуковину. По силам! Нужно только продать какой-нибудь скоростной болид. Приятно, когда творчеством занимается человек, который не желает на творчестве заработать. Большинство таких маленьких часовых мануфактур Швейцарии производят буколическое впечатление. Горы, поющие птицы, пестрые кошки и незабываемый запах навоза, сигнализирующий путешественнику о здоровье местного высокогорного климата. Но эти два домика трогают как-то особенно. Это даже не домики, а мультипликационные каменные норки, в которых стучат компьютерными кнопками и шуршат старыми страницами милые, знающие, увлеченные делом люди. Рыцари, избравшие девизом своей марки фразу «Стиль. Изобретательность. Качество».

De Bethune DB 25

De Bethune DBDRS1

De Bethune DB 25

Основатели De Bethune: Давид Занетта и Денни Флажолле

КЛАССИКА СОВРЕМЕННОСТИ НА МАНУФАКТУРЕ F.P. JOURNE ПОБЫВАЛА ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

«Могу потратить год на калибр»

Талантливому выпускнику Парижской школы часового дела Франсуа-Полю Журну потребовалось 20 лет, чтобы решиться выпускать часы под собственным именем. Журн начал серийное производство в 1999 году, дебютная коллекция зарегистрированной тогда марки состояла всего из двух моделей, каждая из которых была выполнена в количестве 99 экземпляров. Первая модель Tourbillon Souverain представляла собой единственные в мире часы с турбийоном, оснащенным ремонтуром постоянной силы. Вторые были резонансным хронометром. Уже на следующий год Журн представил часы с боем и минутным репетиром Sonnerie Souverain, а также базовый калибр Octa. С тех пор каждый год Журн выпускает как минимум одну сложную модель, работать на которой, как любит говорить сам мастер, «он предпочитает годами».

Часовое производство Франсуа-Поля Журна находится в самом центре Женевы — на rue de l'Arquebuse, 17. Это индустриальное здание конца XIX века, в котором до F.P. Journe размещались фабрика и гаражи. Франсуа-Полю Журну потребовался не один год, чтобы полностью отреставрировать помещения. Адрес уникальный и единственный в своем роде: в то время как остальные марки стремятся покинуть Женеву и уехать работать в ее предместья — Мейрин, Каруж, План-лез-Уат, Журн обжился в историческом центре. Стремление иметь мануфактуру именно в городе отражает и философию F.P. Journe, и даже место самого мастера в нынешней часовой иерархии. Франсуа-Поль Журн — это свершившаяся надежда швейцарского часпрома, «новый Бреге», почти ежегодно срывающий «Золотые стрелки» и другие призы Grand Prix de Geneve (в 2003, 2004, 2005, 2006, 2008-м).

Кумир 52-летнего Журна, который внешне никак не похож на фирменного швейцарского часовщика (Журн скорее уж выглядит как бывший гонщик), — это Абрахам-Луи Бреге, часовщик всех времен и народов. Легенда гласит, что Журн (и сам он не подтверждает, но и не опровергает этого факта), будучи студентом легендарной Парижской школы часового дела, провел ночь на могиле Бреге. Свой часовой путь Журн, как и многие другие создатели собственных брендов (например, Антуан Прецьюзо или Феликс Баумгартнер), начинал с реставрации старых часов. Такая юношеская страсть к еле тикающей старине, естественная для учащихся часовых школ (студенты тренируются именно на старых, нефункционирующих моделях), не прошла с годами. Светлое лобби мануфактуры Журна похоже на музей. В центре — великолепный экземпляр напольных часов, сделанных для Всемирной выставки в Париже в 1855 году. На потолке — круглые астрономические фрески с созвездиями, звездами, фазами Луны и Млечным путем. Эти фрески, нешуточное музейное сокровище, были созданы около 1550 года мастером Апианусом, астрономом испанского монарха Карла V Габсбурга. И напольные часы, и астрономические фрески отреставрировали Журн и его команда.

Журн, уроженец не Женевы, а Марселя, реставрирует не только часы, но и часовые традиции. Он и часовщик-техник, и стилист-художник, и бизнесмен, именно таким был Бреге (кстати, самыми первыми часами Журна, которые он сделал в возрасте 20 лет, была карманная модель с турбийоном, такой оммаж Бреге).

В период расцвета часового авангарда, в 2000-е, когда рушились старые часовые формы и отрицались преданные часы материалы, Журн ни на йоту не отступил от классического часового пути. Он свято верил в традицию и спал ее на всех фронтах. Он изобретал удивительные механизмы (девиз его марки — Invenit et Fecit, «Изобретено и сделано»), он мыслил не только техническими, но и стилистическими категориями, добива-

ясь того, чтобы его часы, существующие в русле классики, были узнаваемыми как «его», журнаские. То, что мануфактура Журна находится именно в центре Женевы, — это и положенная награда, и полагающееся место. «Когда я заканчиваю рисунок, я передаю его в технический отдел», — рассказывает Франсуа-Поль Журн. Рисунок гения, который, впрочем, не эскиз и не набросок, а технический чертеж, дорабатывается в техническом отделе. После того как готов технический план, начинается изготовление деталей калибра и корпусов (вся начинка часов F.P. Journe изготавливается из розового золота; калибры ждут своего часа быть вправленными в корпус в сейфах). «90% всех комплектующих мы делаем сами», — продолжает Журн. Его часы, даже самые недорогие, например репетир из стали, — это сложные, математические, выточенные инструменты. Поэтому каждой моделью здесь занимается только один мастер, часы не передаются из рук в руки (мастер, сделавший часы, в будущем несет ответственность и за их сервисное обслуживание). Цеха на мануфактуре названы по существующим коллекциям — Tourbillon Souverain, Octa, Grand Sonnerie. Контроль тройной — в начале, в середине и в конце полного цикла производства. «Да, нашим клиентам приходится подолгу ждать часов, но зато они получают должное качество», — скромно говорит Журн. Мы бы сказали, что счастливицы получают высокое часовое искусство, к которому не остался бы равнодушен и Бреге.

Chronometre Bleu — новая модель F.P. Journe из тантала, представленная в январе в Женеве

УЧИТЕЛИ И МУЧИТЕЛИ О ПРОГРАММЕ ROLEX MENTOR & PROTÉGÉ РАССКАЗЫВАЕТ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

© ROLEX/MARC VANAPPEL/CHEN

Каждые два года Rolex тратит \$700 тыс. на странную цель, которая принципиально не имеет ничего общего с тем, чем он знаменит, — часами.

Rolex не назовешь компанией, чрезмерно озабоченной пиаром. Она закрыта, необщительна, ее главы не дают интервью, на ее заводы лишь совсем недавно пустили журналистов. «Нет, Rolex не занимается искусством, не собирается продавать искусство или инвестировать в искусство», — настаивает Ребекка Ирвин, придумавшая Mentor and Protege Arts Initiative. По поводу этой художественной программы, существующей уже десять лет, она с какой-то обидной для коллег гордостью подчеркивает — «это не для рекламы».

Как ни трудно поверить, Rolex действительно бросает эти деньги на ветер. По очень сложной схеме. Сначала шесть великих мастеров искусств назначают менторами. Потом из предложенных им кандидатур они выбирают (одного из трех) себе ученика, протеже, которого они ведут по жизни в течение двух лет. И эта возможность для художников разных поколений побыть вдвоем щедро оплачивается. Ментор получает \$50 тыс., а его протеже — \$25 тыс. в первый год на время учебы и столько же на второй, чтобы применить свои новые умения на практике.

Формальные требования минимальны. Учитель и ученик должны провести вместе в общей сложности месяц, вот и все. Никаких видимых результатов не требуется, это не система грантов, в которой за спонсорские деньги отчитываются выставками, спектаклями, художественными проектами. Знаменитый чешский хореограф Иржи Килиан выбрал себе в ученики американца Джейсона Акиру Сомму. 29-летний нью-йоркский танцовщик зарабатывал на жизнь в ресторане официантом, выступал в экспериментальных труппах и увлекался новыми технологиями в балете — разнообразной компьютерной начинкой современных спектаклей. Именно это и привлекло Килиана, который руководит сейчас Нидерландским театром танца (NDT). А может быть, ему понравились закрученные усики веселого, нахального и талантливого протеже.

Седобородому Килиану 62 года, и разницу между преподавателем и ментором он определяет так: преподаватель учит профессии, а ментор — жизни: «Я для него открытая книга, пусть вырывает страницы, которые ему нужны. Когда мы с ним встретились, я сказал ему: я не стану тебя ничему учить. Будь рядом, смотри, что я делаю, и имей в виду, что я намерен столько же взять у тебя, сколько ты — у меня».

Он не стал заново учить Сомму азбуке танца, да и сам американец прекрасно понимал, что его хореографические возможности мизерны по сравне-

© ROLEX/MARC VANAPPEL/CHEN

© ROLEX/MARC VANAPPEL/CHEN

нию с выдрессированными танцовщиками Килиана. Зато у него самого было знание, которым он готов был делиться. Он путешествовал с труппой и вел съемку, собирая фото и видеоматериалы для будущих премьер, — ведь в своей жизни он успел поучиться дизайну, знал видеорежиссуру и показал себя очень талантливым фотографом. «Я, конечно, был не на уровне танцоров NDT, но зато благодаря своему хореографическому опыту всегда знал, когда надо нажать на спуск фотоаппарата».

Он вспоминает, что в первый раз, когда они встретились с Килианом, они проговорили целый день — и ни слова о балете. «Именно тогда я понял, как мне повезло. Иржи всегда говорит мне: имей в виду, я тебе не учитель, я тебе — мучитель».

Привыкший к мучениям ученик остался рядом с Килианом — сейчас они вместе работают над программами к полувековому юбилею театра. Кстати, он не бросил и ремесло официанта, но так и говорит: «Странная у меня жизнь — сегодня прислуживаю за столом в Нью-Йорке, а завтра здороваюсь с королевой в Амстердаме». Скачок из одной жизни в другую — это уже невероятный шанс, не говоря о том, что за одно знакомство с людьми, входящими в менторский список, можно отдать десять лет жизни.

Гораздо проще и эффективнее финансировать конкретные художественные проекты. Чем больше выставка, тем больше шума. Но программа Mentor and Protege призвана поддерживать художественное равновесие. В современном мире все движется медиаперсонажами, звездами. Чем больше ты известен, тем больше тебе дают денег на твои проекты, пока ты не умираешь пленником собственного успеха. Rolex предлагает другое. Жить рядом с учителем, разделять его проекты, становиться мастером самому, чтобы в свою очередь кого-нибудь учить. Эта старинная, ручная, мануфактурная система образования — единственное, что хоть как-то роднит программу с системой производства часов.

— Чех Иржи Килиан и американец Джейсон Акира Сомма встретились, благодаря Rolex Mentor and Protégé Arts Initiative

— Rolex теперь производит не только часы, но и новые художественные поколения

ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА ДЖАСПЕР МОРРИСОН В МУЗЕЕ БОРДО НА ВЫСТАВКЕ ПОБЫВАЛ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

50-летний английский дизайнер Джаспер Моррисон прекрасен тем, что, если может, старается ничего не делать. Если вещь и так хороша, зачем ей мешать, зачем вставлять между ней и людьми с этим своим навязчивым дизайном.

«Дизайнеры, которые тянутся за модой, заняты саморекламой. Их вещи узурпируют наше внимание, и дизайн предстает каким-то бессмысленным соревнованием, кто сделает предмет почуднее», — говорит Моррисон. Он обожает простые вещи, которые много лет жили вместе с человеком бок о бок и спина к спине — вроде стола или стула. Ему кажется, что в этих предметах записан поколениями созданный алгоритм. Раз форма человеческого тела не меняется, почему должна меняться их логика? Если каким-то волшебным образом стереть с окружающего нас вещного мира всякие там барокко и ренессансы, мы увидим архетипические вещи, идею вещей. Предмет вне времени — вот идея новой выставки Джаспера Моррисона в Musée des arts décoratifs в Бордо. Декоративный музей расположен в роскошном особняке XVIII века с парадной мебелью, с витринками с серебром и фарфором. Настоящий музей быта «пробковой буржуазии» богатого вишневидельского города. Но у входа вместо портрета владельца дома Пьера де Раймонда де Лаланда посетителям встречает портрет английского дизайнера Джаспера Моррисона — в кедах, толстых очках, в обвисшем пиджаке и джинсах.

По его воле в пышных исторических интерьерах появились современные дизайнерские предметы. Начало и эмблема выставки — моррисоновский стул Pipe, выпущенный в 2008 году, и английское кресло XVI века ручка об ручку под картиной с видом Бордо 1738 года. Два стула светлого дерева, сделанные год назад для Carrellini, стоят возле клавиатура в музыкальном кабинете. Подсвечники из полированной нержавеющей стали украшают каминную полку под венецианским зеркалом. Электрочайник Rowenta показан в витрине посреди неверского фаянса. А посреди гостиной установлен целый стол, окруженный современными стульями Basel фирмы Vitra, накрытый однотонной икеевской серой скатертью, с белыми тарелками и простыми приборами Alessi.

Местами, правда, кажется, что стулья принесли музейные работники, чтобы сидеть и надзирать за порядком, но чаще эти исключительно простые вещи легко мимикрируют среди паркетов акажу и шелковых панелей

Выставка Джаспера Моррисона в Musée des arts décoratifs в Бордо

на стенах. Они ничуть не выпадают из общего стиля комнат, каждый раз это даже маленькая загадка — что добавил дизайнер. Даже тогда, когда в спальне с балдахинами оказывается похожий на пробку от шампанского столик из серии Cork Family или когда стулья из разноцветного прозрачного пластика Magis Trattoria стоят на фоне ампирной кушетки.

А под крышей музея в современных минималистических залах показывают вторую часть выставки — «Super Normal», коллекцию обыденных шедевров нового дизайна, собранную в 2006 году Джаспером Моррисоном и японцем Наото Фукасовой. Это 52 предмета: пластиковые тапочки, ведро для мусора, пепельница из кафе, открывалка, классическая кофеварка Bialetti и лампа на рычаге. Изъяты из жизни и разложенные на безбрежном фанерном столе, они выглядят куда более странно, чем среди старинных интерьеров. Как запыленным предметам обстановки XVIII века не хватает современной вещи, как точки отсчета, так и этим великолепным образцам дизайна XX века не хватает истории, чтобы проявиться во всем своем продуманном блеске.

Зато им хорошо живется вместе, что доказывают современные квартиры, где классические предметы обстановки смешаны с авангардными и где перед классическим гобеленом стоит кушетка Ле Корбюзье. Идея выставки как раз в том, что вещь нельзя увидеть и понять саму по себе, а лишь в компании других вещей и чем более дружеским и менее конфликтным будет ее вхождение в мир, тем более удачна она как дизайнерский предмет. Принцип Моррисона в том, что вещь не должна давить на наши чувства и засорять наше окружение, название его книги «World Without Words» («Мир без подробностей») — лучшее выражение его стиля. Он использует это во всех своих проектах, и в часовых в том числе. Я понимаю это, когда, устав от блестящего дизайна больших часовых марок, надеваю модель r5.5, сделанную им для Rado: модель архетипических часов, черный квадрат дизайнерского часового искусства. Добавил бы их в список «Super Normal», но нет, лучше уж пусть останутся у меня на руке.

Работа Джаспера Моррисона с Rado — пример идеальной пары марка-дизайнер. Разработанная им новая модель Rado r5.5 — образцовый объект, который вполне может занять место в музее дизайна. Они обманчиво просты на вид, исключительно точно нарисованы и при этом существуют в нескольких равно интересных вариантах: от простых часов с тремя стрелками до часов с календарями и хронографом

ВРЕМЯ У ПЛИТЫ ЗАСЕКАЕТ НА ЛЮБИМЫХ ЧАСАХ ДИРЕКТОР МОСКОВСКОГО ДОМА ФОТОГРАФИИ ОЛЬГА СВИБЛОВА

СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ

Мне в жизни не хватает только времени. Я живу по часам, остаться на секунду без них — катастрофа. Но на кухне я распоряжаюсь временем более свободно. Ведь готовить по рецептам, может, и грамотно, но скучно. В советское время я часами варила кашу из топора, теперь на обед я трачу 15 минут, а мои козыри — свежие продукты, которые хорошее оливковое масло, перец и соль делают еще лучше

Три минуты

Мясо-гриль из настоящего мяса

В советское время, чтобы из магазинного мяса сделать хоть что-то отдаленно его напоминающее, надо было засыпать его приправами и часами тушить и парить. Когда я в первый раз в жизни увидела немороженое мясо — а было это в Киеве на рынке, я подумала что оно испорчено — у него был совершенно другой цвет.

Теперь муж привозит мясо из Парижа — он не доверяет нашим мясникам. Но я считаю, что и в Москве можно купить хорошее мясо — и в «Ля Гурме», и в Горках-10 в «Перекрестке», где я нахожу и мясо, готовое для гриля, и даже неплохую баранину, что у нас большая редкость.

Для хорошего гриля подходит только свежее мясо. Перед тем как попасть на раскаленную сковородку, оно должно полежать минут десять при комнатной температуре, смазанное оливковым маслом, обязательно крупной морской солью и перцем. Никаких других добавок не требуется.

В случае с мясом я людоед, ем его практически сырым и с кровью, в этом его прелесть. Поэтому для жарки достаточно трех минут.

Четыре минуты

Закуска из артишоков

Обожаю вареные или печеные артишоки, и именно их листики, которые обычно поедая за просмотром кино. К сожалению, в Москве они такая же редкость, как и хорошее мясо. А ведь они просто неоценимы на вкус.

И просты в готовке. Собственно, нужны только сами артишоки и элементарный соус. Отрываешь листик, макаешь в соус — так можно сидеть хоть целый день, наркотик похуже семечек. Соус готовится полторы-две минуты. В маленькую кастрюльку кладу сливочное масло, сметану, выжимаю сок лимона, перчу и солю. Все должно нагреться, дойти до кипения, но ни в коем случае не кипеть. Этот соус хорош для любых блюд: не только для артишоков, но и для рыбы и спаржи.

Пять минут

Цикорий с помидорами

Это блюдо я делаю только для себя — питательно, полезно и безопасно для талии — даже перед сном. У меня в холодильнике всегда есть цикорий и помидоры. Я знаю, конечно, что их лучше там не хранить. Они в Москве и так абсолютно безвкусные, особенно не в сезон, а в холодильнике в конце концов рискуют окончательно потерять признаки жизни.

На разогретую сковородку с оливковым маслом кидаю кусочками два нарезанных помидора и два цикория и несколько минут помешиваю. По желанию можно добавить петрушку, укроп, чеснок — все, что есть. Это нетяжело, горячо и страшно питательно.

Шесть минут

Сушеные грибы

Грибы люблю с детства и всегда покупаю бадью сушеных сморчков. За шесть минут из сморчков можно сделать потрясающей вкусноты блюда — как самостоятельные, так и соус для пасты. Заливаю сморчки горячей водой и варю максимум три минуты. Затем выкладываю на разогретую сковородку, приправляю сметаной. Остается правильно поперчить и посолить, еще три минуты — и они божественны!

— Breguet, or blanc, circa 1920 — мои любимые часы в белом золоте, датируются примерно 1920-ми годами. Но уже три года я их не видела: захлопнулся сейф, и теперь его надо вскрывать. Breguet — второй серьезный подарок мужа, до этого был факс

— Swatch — самая простая базисная модель, но при этом очень элегантная. Я купила их себе сама, и в отличие от подарков мужа, которые требуют моего внимания, Swatch сами подстраиваются под меня. Я в них плаваю, сплю, и они меня всегда выручают

— LIP, cree par le designer Roger Tallon, circa 1970 — потрясающие дизайнерские часы Роже Талона 1970-х годов, купленные моим мужем на часовом аукционе. Гениальная модернистская форма, которая в 1970-е явно перекочевала из моих любимых 1920-х, и забавное вкрапление цвета — красный, желтый и синий. Их было выпущено всего несколько штук, и поэтому я ими очень дорожу

Korloff

PARIS

РЕКЛАМА

pointe d'ine
*Je t'aime**

* чтобы признаться в любви

Quantieme
тип Skeleton, розовое золото, сталь, сапфировое стекло

Москва: ул. Б. Дмитровка, 16, тел.: (495) 629 2991, (495) 629 9560
Санкт-Петербург: ул. Садовая, 26, тел.: (812) 575 5527, (812) 974 7177

www.korloff.ru | www.korloff.fr

PARIS • BEIJING • TOKYO • MOSCOW • DUBAI

ОДНИ ЧАСЫ. ДВА ИНТЕЛЛЕКТА.

DUOMETRE A CHRONOGRAPHE.

Собственный калибр Jaeger-LeCoultre 380/1000®

Уникальная концепция «Dual-Wing» с двумя автономными часовыми механизмами, связанными одним регулирующим узлом. Первый в истории хронограф без сцепления, обеспечивающий точность отсчета времени до шестых долей секунды.

ВЫ КОГДА-НИБУДЬ НОСИЛИ НАСТОЯЩИЕ ЧАСЫ?

JAEGER-LECOULTRE

Москва: Бутик Jaeger LeCoultre «Берлинский Дом», Петровка 5 (495) 730 4491, Sublime Весна (495) 543 9879, Cassaforte (495) 937 1078, Cassaforte (495) 411 7654, Cassaforte (495) 690 7449, Da Vinci (495) 937 8089, Dufour (495) 961 2835, Eurotime (495) 625 2621, Imidzh (495) 253 9413, Louvre Тверская (495) 629 1615, Louvre Тверская (495) 981 4282, Louvre (495) 642 8190, Louvre (495) 692 9047, Louvre (495) 727 1968, Louvre (985) 642 8191, Runway Delux Домодедово (495) 641 3098, Sublime (495) 620 3390 • **Санкт-Петербург:** Eternel (812) 441 3262, Imperial (812) 312 9222, Imperial (812) 571 3678 • **Екатеринбург:** Louvre (343) 215 6004, Louvre (343) 359 6285 • **Иркутск:** Золотое Время (395) 224 2399 • **Казань:** Terra (843) 292 7272 • **Краснодар:** Золотой Век (861) 262 6026 • **Нижний Новгород:** Da Vinci (831) 419 48 82, Louvre (831) 220 0506 • **Омск:** Terra (381) 239 0970 • **Ростов-на-Дону:** Золотой Век (8632) 67 9070 • **Саратов:** Da Vinci (8452) 23 8888 • **Тюмень:** Кураж (3452) 399 086 • **Челябинск:** Gostiny Dvor (351) 263 7783